

Алексей Доронин

В ДВУХ ШАГАХ
ОТ ВЕЧНОСТИ

«КРЫЛОВ»

Атомный город

Алексей Доронин

В двух шагах от вечности

«Крылов»

2019

УДК 882
ББК 84Р144

Доронин А. А.

В двух шагах от вечности / А. А. Доронин — «Крылов»,
2019 — (Атомный город)

ISBN 978-5-4226-0346-6

2059 год. Человечество избежало ядерной войны. В мире построен рай для избранных. Права остальных стали муляжом, а свобода и равенство – фикцией. Простолюдинам старательно промывают мозги. И реальность часто неотличима от морока, а игра – от реальности. Но есть те, кто не смирился. И мир прогресса и высоких технологий оказывается ввергнут в хаос гражданских войн. Полноценная война разворачивается под боком у Соединённых Штатов, в Мексике, куда съезжаются люди со всех концов планеты – воевать за мираж нового мира. У каждого на то своя причина. Есть своя причина и у Максима Рихтера, русского немца, повстанца с позывным El Cazador. Только открывать эту причину кому попало он не собирается. Выбора у повстанцев теперь нет, только идти до конца. Многие уверены, что это последний бой за справедливость и свободу. И если он будет проигран, в мире воцарится цифровой концлагерь.

УДК 882
ББК 84Р144

ISBN 978-5-4226-0346-6

© Доронин А. А., 2019
© Крылов, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть 1	12
Часть 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Доронин

В двух шагах от вечности

© А. Доронин, 2019

© ИК «Крылов», 2019

Тем, кто в меня всегда верил.

Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец.
Джордж Оруэлл

Пролог

Веселая ферма

*Если что-то не обладает полноценным разумом, то оно – объект,
а не субъект.*

Источник неизвестен

Когда-то давно, впервые попав в это место, где никогда не видели солнца, она много плакала. Конечно, украдкой, потому что иначе нельзя. Но плакала. А теперь те же самые вещи, которые причиняли боль, казались уколами тупой иглы в онемевшую руку. Вроде и тычут, а уже не больно. Она не могла вспомнить, сколько прошло времени. Дни сливались в бесконечную череду, наполненные однообразной работой с краткими промежутками сна. От подъема до отбоя.

Этим утром ее разбудили, как всегда, громким дребезжащим звоном. Как и всех остальных. Вот только спала она этой ночью не в общем бараке, а в отдельном «мешке», куда отправляли провинившихся. Точного времени она не знала, но чувствовала, что на сон им оставляли не больше пяти часов.

Едва открыв глаза – а медлить было нельзя – она увидела через плотную проволочную сетку на раме, заменявшей дверь, лицо мальчика лет двенадцати в такой же робе, как у нее, только черной, а не серой. На ногах у него были тяжелые тупоносые ботинки, а не тапочки на резиновой подошве, как у остальных.

– Не спи, а то устанешь! – усмехнулся он. – Это ты «Тридцать пять – ноль шесть – двадцать два?»

Спросил так, будто здесь в камере – крохотной камерке, куда едва помещался человек, – мог быть кто-то другой. Они спали в общих ангарах, где было не протолкнуться. Спали посменно на нарах в четыре яруса: одни вставали, другие тут же занимали их места. Тех, кто вел себя плохо или не выполнял норму, – отправляли в карцер. Но здесь был еще не карцер, а «комната для размышлений». Для тех, кто провинился слегка.

Девочка поднялась с земляного пола. Вместо матраса в камерке был старый коврик. В то, что где-то бывают кровати вместо ковриков, деревянных нар или грязных матрасов на голом полу, она не очень верила.

Она встала, вытянув руки по швам, и кивнула, но поклона не отвесила.

– Ты вчера плохо выполнила норму, – строго сказал визитер, поджав губы. – Допустила много брака. Меня приставили к тебе, чтобы этого не повторилось. У тебя десять секунд! Пошли! Они ждать не будут. Немедленно!

Он разговаривал, как маленький взрослый, растягивая слова, но она чувствовала в нем, помимо упоения властью, неглубоко запрятанный страх эту крупницу власти потерять. И снова стать таким, как все. Он был такой же пленник, хотя имел, как все надсмотрщики, новые ботинки. И хорошо понимал, что за эту привилегию надо держаться.

В нем было больше жизни, чем в остальных, похожих на безвольных кукол. Он, по крайней мере, к чему-то стремился. Хотя эта «мечта» и была довольно приземленной.

Ботинки Ляо получил не за хороший труд – за него нельзя было получить ничего, кроме дневной нормы безвкусной еды, – а за умение заставлять трудиться других. Для этого и давались ботинки. Ими можно было учить уму-разуму тех, кто носил тапочки. Хотя чаще для этого применялись обычные гибкие прутья и палки.

Мальчик подошел к ней поближе и, приподняв рубашку, показал шов на боку.

– Они забрали. Сказали, что им нужнее. А я смогу жить и работать без этого. И ты сможешь. То, что у тебя внутри, – стоит дороже, чем ты живая. Но у тебя не забирают, потому

что твои органы больные. А может, пока не подошел черед для твоей группы крови. Но ты никуда не денешься.

Он думал, что напугал ее и произвел впечатление, отомстил за испытанный страх, и что теперь она будет работать лучше. Девочка сделала вид, что ей страшно, хотя давно достигла точки, за которой бояться уже нечего. Она пообещала больше его не подводить, трудиться и трудиться, и тогда он самодовольно усмехнулся и ушел.

Начинался новый рабочий день.

* * *

Она помнила его другим. Когда он только появился здесь, у него было чумазое испуганное лицо, похожее на мордочку затравленного зверька.

«Как тебя зовут?» – спросил он. Они тогда стояли рядом, ожидая, что на табло загорятся их номера и указание направления, куда им бежать. В рабочее время они должны были передвигаться по фабрике именно бегом. Кроме тех мест, где приходилось идти густой толпой по узкому проходу, и бег привел бы только к суете и хаосу.

«Сяомин», – ответила она украдкой. Хотя кроме бесконечной шеренги детей-рабов никого рядом не было, а им вряд ли было дело до них – все смотрели на табло в ожидании своего номера. Потому что за задержку наказывали.

«Это означает „рассвет“? Хорошее имя».

Она не ответила.

«А мой отец был преступником, – продолжал словоохотливый новенький. – Взятчиком. Он купил себе пулю».

«Зачем она ему? Пуля? Повесить на шею на цепочке?».

«Затем, что так положено. Человек должен заплатить за свою пулю. Мы тут все дети плохих людей. Сектантов, воров, шлюх, шпионов. Кор... коррупционеров. Ты помнишь своих родителей?».

«Нет», – все эти слова ей ничего не говорили. Она не знала, что они означают. Включая слово «родители».

«Ясно. Я тебе завидую... А вот я помню. Помню, как там, снаружи...»

«Ты забудешь».

«Надеюсь. Они нас выпустят?»

«И да, и нет, – она печально улыбнулась ему. – Мы уйдем из этого места. Но не целиком. Когда кто-то не может больше работать... у него забирают все полезное. А остальное добавляют в подкормку. Ты знаешь, что такое подкормка?»

Он помотал головой.

«Не говори больше, мне страшно», – взмолился он и задрожал как лист на ветру.

– А я все равно расскажу. Потому что ты должен знать, что бывает с теми, кто плохо работает... – она не хотела его пугать, а хотела помочь выжить, видя, как он беспомощен. – Шар летит! Позже.

«Фонарики» облетали территорию фабрики каждые несколько минут. Стоять без дела, тем более разговаривать в их присутствии было не просто нежелательно, а смертельно опасно.

Тогда она не успела рассказать... Но вскоре мальчик и сам узнал здешние правила. Он оказался совсем не таким уж беспомощным. Слабым, трусливым как крыса, но изворотливым как змея. И он получил ботинки за то, что поймал девочку лет восьми, которая пыталась перелезть через внутренний забор. Стащил ее за ноги и тут же закричал: «Сюда!». И один из шаров, появившихся из-за угла, тут же полетел в их сторону с тихим гудением...

Дура. За этим забором еще один, вдвое выше, с пиками из гвоздей и колючей проволокой поверху. Конечно, тот, кто умеет карабкаться как обезьяна, обмотав руки тряпками, мог бы

попытать счастья... как сделал это тот сын рыбака примерно год или два назад. Он тогда так и повис на проволоке. Спустил его вниз уже шар, описав вокруг дугу и взмахнув чем-то в воздухе. Оказывается, у них были выдвигающиеся лезвия. Тело унесли двое мальчишек, шар летел следом. Никакие другие надсмотрщики, кроме шаров, без веских причин тут не появлялись.

Ляо узнал все сам, и это очень на него повлияло. Заставило барахтаться и отталкивать других локтями, чтобы подольше прожить самому.

Подкормкой питалось мясо. И в нее шла любая органика, которая могла быть переработана. Все знали, что некоторых уводят, и они никогда не возвращаются. Но вместо них всегда приводят новых. А стариков – да и просто взрослых – тут никогда не было.

«Но бывает и хуже, – говорила Сяомин одна из старших девочек, хотя старше четырнадцати тут никого не было. – Знаешь, что делают с детьми, которых забирают отсюда целыми? Лучше уж кусками».

Но она могла и врать. Все, что находилось за пределами этих стен, было окутано пеленой мифов. Свободу Сяомин слабо представляла и совсем не помнила. Казалось, вокруг всегда была только эта фабрика-ферма. Тут были огромные баки с лягушками, куда попадали уже взрослые особи. Квакушки... Девочка слышала, что так их зовут. Их там была тьма-тьмуца. И эти квакушки казались похожими на нее и других детей. Животные пытались сучить лапками и выбраться из бака, но их было так много, что они друг другу мешали. И даже забираясь другим на головы, они никогда не могли дотянуться до края, а тем более перелезть через него. Прыгать они тоже не умели, потому что были слишком жирные, со слабыми ногами.

Зал со сверчками был страшнее. Они стрекотали, прыгали, сталкивались. Иногда с хрустом пожирали умерших или слишком слабых. Они были раза в четыре крупнее обычных сверчков, их ноги по толщине почти не уступали клешням крабов (которых, кстати, тут тоже разводили). Большими гуртами, прямо живьем, всю эту биомассу отправляли на переработку в гигантские измельчители. Из лягушек готовили консервированные деликатесы, а насекомые шли для более простой и грубой дешевой пищи.

* * *

Бруски, похожие на больших гусениц, живые, дышащие, цветом от розового до темно-красного, ехали по конвейеру. В начале своего жизненного цикла они поднимались из чанов, где вырастали на подкормке, как огромные стебли спаржи. Стоило им дорасти до нужной высоты, как безжалостный нож срезал их, а механический захват аккуратно брал куски и клал на ленту-транспортёр.

Вроде бы раньше аппарат сортировал куски сам, но потом сенсоры испортились – говорили, что от влажности, – и вдоль движущегося полотна поставили людей. Люди тоже справлялись, хотя и хуже.

Самые хорошие кусочки упаковывались целиком, живыми. Те, у которых были небольшие дефекты, становились вырезкой, когда нож отсекал от них лишнее, подпорченное. Блеклые, обветренные, старые или покусанные крысами, осклизлые куски «спаржи» отправлялись вместе с обрезками в шнек мясорубки и превращались в «мясной» фарш.

У конечного продукта будут разные названия – «мясо, идентичное натуральному», «гуманное мясо», «человечное мясо» и даже «живое мясо». Хотя, конечно, фабрику оно покидало уже неживым. Некоторые виды убивались током. Другие погибали в ходе шоковой заморозки. Что касается названий, – некоторые из детей умели читать и видели, как аппарат клеит ярлыки... или, скорее, наносит маркировку лазером поверх упаковки. Видели, как наполненный вагончик перевозит готовую продукцию по магнитным рельсам в другую часть фабрики. Самые старшие, успевшие пожить на воле, говорили, что это мясо ничем не хуже обычного. И, наверное, так оно и было. Остальным не с чем было сравнивать.

Еще в одном дальнем цеху были «счастливые животные». Они пугали Сяомин сильнее всего. Даже сильнее, чем шары. Они выглядели как обычные куры, индюки и свиньи, которых она тоже каким-то чудом помнила. Но двигались они как роботы, их застывшие глаза ничего не выражали. И ни одного звука не доносилось оттуда. «Зато им не больно», – говорил Ляо. «Чепуха. Даже насекомым и растениям больно», – возразила она тогда.

«А этим нет».

«Может, они просто не могут об этом сказать?».

К счастью, ее никогда не ставили ухаживать за «счастливыми» животными.

С «гуманным мясом» было гораздо спокойнее. Подумаешь, спаржа. А эти звери... ей все время казалось, что стоит только отвернуться, и безразличная пустота сменится в их глазах демонической яростью.

Живое мясо дольше сохранялось. И было дешевле. Это касалось всех его видов.

Их рабочим местом были огромные ангары, под потолком которых гуляло эхо. Ангары, продуваемые ветром зимой и накаляемые солнцем до страшной духоты летом.

«Когда-то тут держали самолеты... теперь держат нас», – объяснил Ляо. Это был последний раз, когда они общались. Он уже получил ботинки и заметил, как изменилось ее отношение к нему. Увидел в ее глазах нескрываемое презрение.

Только по смене сезонов можно было понять, сколько времени прошло. Хотя иногда она путалась и сомневалась. Уж очень все эти годы были похожи один на другой.

В углу стоял бак с липкими медицинскими перчатками. Некоторых сортов мяса запрещалось касаться руками. Изредка в этот бак залезали крысы. Пытались они добраться и до «мяса» – в штабелях и на конвейере, и до плантаций сырой спаржи. За убитую крысу полагалась премия – миска мясного супа. Сами крысы шли на переработку.

Другой бесконечный транспортер нес уже покрытые упаковочной пленкой брикеты.

«Но здесь делают не только такое мясо», – подумала она.

У нее был один секрет. Иногда их блок посылали на работу в ту часть фабрики, где стояли лягушачьи садки. Там было одно узкое место у самой внешней стены. Проход был всего пару метров шириной. И бесконечная череда маленьких работников застревала, замедляла шаг. Неведомые Хозяева, так любившие делать их работу еще более эффективной, не могли расширить этот проход, потому что нельзя было перенести внешнюю стену, которая находилась справа. А слева стена была образована бетонным основанием гигантского икорного бассейна, где вылуплялись и созревали новые лягушки. Даже отсюда было слышно бульканье. Это плавали в воде, похожей на густой суп, миллионы недозревших лягушат или роились мириады головастиков.

Но даже взрослые особи не квакали. Кто-то говорил, что лягушки должны квакать. Но эти только разевали рты и пучили глазищи.

«У квакушек отключили кваканье, – вспомнила она. – Но добавили устойчивость к холоду. Даже когда вода превращается в лед, они могут жить».

И в этом узком проходе было место, о котором знала только она. А может, знали многие, но только она решалась воспользоваться. Там вместо нового стекла – полимерного – стояло старое. Стекло. Оно было покрашено изнутри так, чтобы пропускать немного света, но не позволять видеть изнутри то, что снаружи. С одного края облупилась краска. И это место оказалось достаточно низко, чтобы с ее высоким ростом можно было дотянуться до него, встав на цыпочки. Надо было лишь придвинуться к краю.

И вот, пока они проходили мимо, медленно, как улитки (а улиток тут тоже выращивали), у нее появлялось несколько секунд, чтобы глянуть в этот крохотный просвет. Оно того стоило.

Раньше, много дней назад, там был квартал смешных старых домиков, которые вызывали в ее памяти какие-то ассоциации. Отголоски. Но старые дома постоянно сносили, и в последний раз там уже было поле обломков, с несколькими уцелевшими домиками, сиротливо торча-

щими среди руин. Вокруг них работали большие машины с ковшами и другие – с железными щитами, похожими на гигантские плуги... Она не помнила, как их называют, но на ее глазах они рушили здания. Людей не было. Машины работали сами.

Старые девятиэтажные дома из кирпича. Их тоже снесут, подумала она тогда, и вот теперь видела, что некоторых домов недостает. Их не рушили машины, их взрывали. Один раз она увидела, как дом сложился, как будто был сделан из кубиков.

Дальше, поднимаясь иногда выше крыш, тянулась паутина эстакад, которые свивались восьмерками, пересекались и расходились в стороны, как щупальца осьминога.

Еще дальше, на той стороне шоссе, стояли двадцатиэтажные дома (она как-то в два приема пересчитала этажи в одном из них), похожие друг на друга, – типовые, новенькие, которые казались блестящими, даже когда солнце пряталось за тучи. А за ними виднелась еще одна эстакада, выше первой. И совсем высокие здания. Небоскребы. Здесь уже этажей было не сосчитать. Сплошные стены синего и зеленого стекла. Иногда они переливались рекламой, на них были лица и буквы. Но букв она не знала. Ни тех, которые состоят из линий, ни тех, которые похожи на жуков. Поэтому могла смотреть только на лица – гигантские, в сто этажей.

Но и это был не предел. В ясные дни было видно город за рекой. И там стоял второй ряд небоскребов. Еще выше. До самых облаков. «Из них почти половина нарисованные. Как картинки в книжке», – говорил умный Ляо. Да пошел он! Откуда ему знать? Он мог врать ей нарочно. А может, они были нарисованные все. Она никак не проверит.

Но если некоторые были настоящими... Страшно представить, что люди могли забираться на такую высоту. Как можно смотреть оттуда на землю? Это же голова закружится и жутко станет. А упасть оттуда – останется только мокрое пятно.

«Жутко, – усмехнулась она. – А разве может быть более жуткое место, чем то, где мы есть?».

В верхней части картины почти всегда медленно проплывали дирижабли, играя в догонялки с облаками. Тут рядом был аэропорт. Один раз она даже увидела самолет в небе, набирающий высоту, настолько стремительный, что казался росчерком падающей звезды, но направленным вверх и по небесной синеве. Как мошкара, летали мелкие самолетки и вертолетки, некоторые не больше вагонетки, которая перевозила брикеты по фабрике.

По ближайшей эстакаде тянулись, как муравьи, машины. Можно было разглядеть, что они разных цветов, как та штука для какого-то праздника... как там ее. А иногда, если повезет, можно было увидеть, как по одной из эстакад проносятся с бешеной скоростью, размываясь перед глазами, похожие на пули поезда.

«Это старые. Новые ездят по трубам и гораздо быстрее, – говорил Ляо. – Почти как самолеты».

Гигантский муравейник... она один раз видела, как муравьи построили свой прямо под полом цеха.

Его пришлось уничтожить.

Сколько там людей? Тысячи? Сто тысяч? Тысячи тысяч? Сотни тысяч тысяч? Она не знала. Но ей хотелось туда попасть. Казалось бы, протяни руку и достанешь. Но это так же просто, как пролезть через это пятнышко, куда с трудом помещался один ее глаз, прижатый к холодному мутному стеклу.

Наконец затвор впереди, давший ей несколько лишних секунд для наблюдения, рассосался, и впередистоящие продвинулись на шаг. Сзади начали напирать. Больше задерживаться было нельзя.

– Я все равно уйду, – сказала она шепотом.

«Они все равно ответят», – почудилось другим в ее словах.

Ближайший мальчик отскочил от нее как ошпаренный. Другие тоже попятнулись. В толпе образовалась полость, которая становилась все шире.

– Теперь тебя накажут! – летело от одного к другому. – Идиотка! Из-за тебя всех накажут! Над ее головой с низким гудением пролетел шар. Она зажала уши.

А дети уже расступались в стороны, прижимаясь к стенам. По проходу шли, широко шагая, двое взрослых, возвышаясь над толпой рабов не только потому, что были взрослыми. Они казались настоящими гигантами. Резиновые сапоги, резиновые фартуки, лица закрыты масками. Только под толстым стеклом глаза светятся в темноте.

Эти надсмотрщики были первыми людьми, которых она увидела за все время, проведенное на фабрике. Дети, лишенные прав, – людьми не считались.

– Номер тридцать пять-ноль шесть-двадцать два! – выкрикнул один из них. – Ты пойдешь с нами.

– Меня зовут Сяомин, – она посмотрела на них так, что на долю секунды они застыли, скорее от неожиданности.

А секунду спустя выкрутили ей руки до хруста и повели по проходу мимо других, которые уже не отводили взгляды, а отворачивались. А еще через секунду вернулись к своим делам, и человеческая гусеница поползла дальше, как ни в чем не бывало. До отбоя было еще очень далеко.

Но ни дети, ни надсмотрщики не знали, что у той, кого увели прочь, был еще один секрет. Две тягучие капельки, которые она нашла в мусоре на полу во время одной из смен рядом с лягушачьей фермой. Несколько недель назад.

Тогда она в первый момент подумала, что это бесполезные кусочки пластмассы или полимерного геля, который служил и клеем, и оберточным материалом для продукции. Но стоило девочке поднести эти «капли» к глазам, чтобы рассмотреть получше, как те начали менять форму, растягиваться, будто сами тянулись к ее лицу. И когда они оказались совсем близко, то сами нашли ее глаза, подстроились под их форму... и приклеились к ним! Без боли, без жжения и ощущения инородного тела. И Сяомин тогда почувствовала, как в мозг поступает информация по узкому каналу, по крупитцам, непонятная ей, непостижимая. От которой не было пользы в этой темнице. А еще она поняла, что может отправлять куда-то свою... То, что видит, слышит и чувствует. Но куда? Она не знала.

Кто-то потерял эти штуки. Кто-то из чужих, взрослых. Ей они явно не предназначались. Так же легко, как надела, она их тогда сняла. Но с тех пор это и было ее главным секретом, а вовсе не незакрашенное пятно в окошке. С тех пор она надевала их несколько раз, когда хотела увидеть что-то новое. Но ничего не увидела. И забросила эти попытки.

Она прятала их в разных местах. А потом захотела не просто спрятать в надежном месте, где их никто никогда не найдет – не было такого места! – а уничтожить, измельчить и растворить, бросив в чан с кислой средой или шнек мясорубки. Но не успела. А теперь было поздно. Ведь как раз сейчас они были на ней. Как она обещала себе – в последний раз.

И сейчас, когда ее тащили к неизвестности, эти две капельки, которые могли превратиться в покрывающие глаза тонкие пленки, девочке никак не помогли помочь.

Часть 1

Красный сентябрь

«Восстание – это одновременно и самое неотъемлемое право, и самая святая обязанность», – говорил масон и глобалист маркиз (!) де Лафайет. А теперь давайте посмотрим, как протекают эти восстания, выгодные мировой закулисе, и к чему они приводят. Итак...

...Гарнизон Бастилии состоял из 82 солдат-инвалидов и 32 швейцарцев при тринадцати пушках. В крепости находилось всего семь узников – четверо фальшивомонетчиков (сегодня они добывали бы криптовалюты), двое психически больных и один убийца. По другим данным – педофил, что даже ближе либеральному мировоззрению.

Этих узников совести, светочей демократии восставший «народ» (а на самом деле – оплаченные масонами бандиты) и выпустил из мрачного узлища. А Франция на долгие годы погрузилась в пучину кровавого террора, когда головы аристократок озверевший плебс носил по улицам на пиках...

*«...Ибо революции всегда несут народам лишь кровь и горе, потому что прельщают слабых духом ложной идеей земной справедливости...»
Из брошюры «Демократия в аду, а на небе царство!», Общество ортодоксальных монархистов, Белгород, Российское Государство, 2035 г.*

Максим Рихтер, повстанец. Позывной – El Cazador

Мексика, штат Кинтана-Роо, г. Канкун

Президент Мануэль Родригес – с черной аккуратно уложенной шевелюрой, с открытой улыбкой, в безукоризненно белой рубашке – казалось, смотрел на них с укоризной.

Еще бы. Прямо во лбу у Мануэля Гонсало Родригеса де ла Риверы зияла дыра с почерневшими краями. Явно след от зажигательной пули. А еще у него были подрисована гитлеровская челка и усики. А вдоль самого баннера, изображавшего бывшего правителя Мексиканской Республики, медиамагната и филантропа, кто-то написал размашисто слово «Cabron» светящейся краской из баллончика.

Хотя каждый смуглый мальчишка, который продает лимонад и сувениры на пляже туристам-гринго, соревнуясь с дронами-ползунами, мог рассказать, что реальным правителем являлся Директорат корпорации «Pyramid Products, inc.». За которым, мол, видны ослиные уши его главных акционеров. Это был секрет Полишинеля, хоть они и не знали этого выражения.

«Мировой Совет у них просто на побегушках», – сказали бы сорванцы, поклявшись именем Madre el Dios. Иногда казалось, что они знали то, чего не ведали даже ученые-политологи из Принстона и Сорбонны и аналитики корпораций и фондов.

Хотя эти воришки и мелкие жулики – метисы, мулаты всех оттенков и бронзовокожие потомки испанцев – были почти такими же ловкими врунами, как обладатели степеней и авторы цитируемых монографий. Они умели так же пудрить мозги, а вместо грантов довольствовались наличными глобо или песо, украшениями и гаджетами, которые могли вытащить

из кармана на ходу, а могли снять, даже не потревожив сна, с разморенного после выпивки на пляже немца или шведа.

Все ценное они предлагали вернуть за выкуп, но дураком был бы турист, если бы пошел за своей вещью в трущобный райончик «barrío» один, да еще в темное время суток. Там он расстался бы не только со всеми ценностями, но и со свободой. И сам стал бы субъектом выкупа, но уже шестизначного. Если не хотел расстаться с жизнью. Ведь у этих сорванцов были старшие братья. Которые могли не только сдернуть на лету – на мотоцикле или летающей доске – чью-то сумку. Они были способны на большее – обобрать жертву, подкараулив ее в переулке, под дулом самодельного пластикового пистолета или разогнанного импульсника, который валил наповал звуком, но оружием не считался. Или выковырять ножом и отверткой чип прямо из-под кожи, у живого или мертвого. Но особенно они любили поймать «кабанчика», то есть взять в заложники и спрятать человека в гетто так, что ни полиция, ни частное агентство не найдет. А уж там можно было придумать различные пытки, которые ускоряли сбор выкупа. Женщинам попадать в такую ситуацию было и вовсе нежелательно. С раскрываемостью преступлений последние десять лет был просто швах. Записи с камер куда-то пропадали, все свидетели становились немыми и беспамятными, а более ленивыми полицейские были только в Африке.

Особенное раздолье для los bandidos наступило в недели безвластия в сентябре – начале октября, когда la Polizia уже исчезла, а la Militia – Муниципальная Народная милиция – еще не была сформирована. И еще не вступило в силу упрощенное правосудие. Туристы тогда еще были – и ошалевшими глазами смотрели на кумачовые флаги и объемные голограффити с портретами Панчо Вильи, Бенито Хуареса, других мексиканских революционеров, а заодно Ленина, Троцкого, Мао, Эрнесто Че Гевары и Симона Боливара.

В сети и Д-реальности, пока те еще работали, тогда тоже творился настоящий карнавал. «¡Viva México! Viva la revolución! Libertad! Igualdad! Hermandad!» – висели в воздухе, кружились и неслись со всех сторон лозунги.

Повстанцы, среди которых было немало женщин, – в камуфляже, уже без черных масок, – пели песни, обнявшись, и пили все, что горит. Делали селфи, увешанные оружием и гранатами, обмотанные допотопными патронташами и пулеметными лентами. Оружие было разное – от самодельных пистолетов из металлолома до тяжелых снайперских винтовок.

Максим хорошо понимал их радость. Больше не надо было прятаться по джунглям и горам, скрываться в гетто, цепenea при свете фар и прожекторов, или свисте пролетающего за окном дрона. И каждый день хоронить товарищей, до которых добрались paramilitares и их кибернетические помощники.

Он не застал начальный этап войны. Прибыл, когда каша уже заварилась и чаша весов начала склоняться на сторону революции.

А сегодня в глазах рябило от красных нарукавных повязок, красных косынок и бандан. Алые знамена вились как паруса над подразделениями, которые в открытых грузовиках проезжали по улицам. Пешие бойцы палили в воздух, маршировали или просто валили толпой. Они еще не осознали своего превращения во власть.

И всем им было не до turistas. Впрочем, туристы и сами спешили убраться из ставшей опасной страны.

Максим слышал репортажи BBC и «Reuters» про массовое мародерство, разгромленные банки и ювелирные магазины, но считал это клеветой. Он знал одного парня в отряде, который полшутя сказал про свое отношение к женщинам из враждебных классов: «Разве ты у торта спрашиваешь согласия, прежде чем его съесть?».

Но на практике за такие художества карали. Несколько человек были расстреляны, невзирая на предыдущие заслуги, и он сам видел их трупы с табличками «Infamia» – «позор», приколочеными гвоздями. Конечно, к герилье, как к любому народному движению, присоединялись отщепенцы и накипь со дна котла. Но кто эту накипь породил, если не старый режим?

Их держали в узде специальные товарищи. Максим знал нескольких таких железных людей, а с одной из них даже состоял в довольно близких отношениях. Но сам он никогда не смог бы стать комиссаром. Ему и во врагов-то – настоящих, смертельных и вооруженных – в первый раз выстрелить было непросто. Хотя этот первый раз у него случился в другой стране и на другой войне. Но на этой он впервые убивал не по приказу, а по зову совести.

Это случилось не так давно.

* * *

– Твое последнее слово, амиго, – произнес высокий «матадор» в черной форме.

Маска с черепом закрывала лицо, делая говорящего похожим на ожившего мертвеца. Рот живого скелета искривился в подобии улыбки. Видны были только глаза, горящие в узкой прорези балаклавы, как черные уголья. Блестящие глаза наркомана.

Максим слышал, что в секторе «Южная и Центральная Америка», к которому относилась и Мексика, были недавно легализованы почти все виды наркотиков. Ведущие мировые социологи говорили, что это поможет выбить почву из-под ног наркомафии. Но она вместо этого только окрепла, получила официальный статус. Неолибералы, конечно, одобрительно кивали и комментировали происходящее в духе Марии-Антуанетты: мол, даже хорошо, что идет естественный отбор и общество избавляется от неполноценных людей. Так они говорили до тех пор, пока их не ставил на нож какой-нибудь обдолбанный мучачо из гетто. Впрочем, до элиты в ее замках и лимузинах обычный грабитель бы не добрался. А до простых прихлебателей элите дела не было.

Но этот тип вряд ли сидел на героине или коксе. Скорее, принял какой-то стимулятор. Уж очень быстрые и точные движения у него были, когда он надевал на них наручники.

Педро Рамирес. 30 лет, частный предприниматель. Ремонт кондиционеров и холодильного оборудования. Член общественного объединения «Антикоммунистический альянс» – прочитал Макс его айидент.

«Буду обращаться к нему, если понадобится починить холодильник», – с мрачным юмором подумал Рихтер.

Второй каратель был в прошлом булочником. А третий – просто безработным футбольным фанатом, который за сорок лет жизни успел три раза развестись, а еще имел неоплаченные счета за воду и постоянно посещал дантиста.

Страшное ощущение нереальности от этих банальных фактов стало только сильнее. Макс все еще не мог поверить, что происходящее с ним – правда. И эти люди его по-настоящему убьют, а потом снимут форму, переоденутся в джинсы и футболки и пойдут оплачивать просроченные счета, лечить себе зубы... Никакие не чудовища, просто обыватели. Хотя... в каком-то смысле любые обыватели – вполне себе монстры.

Макабрический карнавал войны уже захватил страну, но айденты и маркеры Д-реальности еще работали, хотя и с перебоями. Правда, все больше людей, видя, какой бардак творится вокруг, блокировали их или отключали, чтобы нельзя было ничего узнать ни о них самих, ни об их имуществе. Сеть Вещей тоже агонизировала: холодильники не могли больше заказывать продукты в магазине, а «умные дома» превратились в обычные жилища двадцатого века. Расходясь по разным сторонам гражданского конфликта – а этих сторон было куда больше, чем две, – люди сжигали мосты, и первым рушился привычный комфортный уклад техносферы.

Профиль заблокирован и у этого типа в черном. Но у Макса был не простой сенсор, а с подключенными полицейскими базами данных. Он мог видеть даже давно удаленные сведения. Подарок от техслужбы. Который, правда, не помог им избежать засады.

– Vete a la verga, maricon! – партизан плюнул кровавой слюной на черную землю, промахнувшись по своему мучителю в маске черепа. – Вот мое последнее слово.

Столько злости во взгляде Макс еще не видел. Транслятор – надо же, он еще работал, хотя столько раз били в ухо! – транслятор отказался переводить «нецензурную брань на испанском языке». Правда, Максим уже успел научиться местному мату, который тут ценили не меньше, чем на первой родине его Grossmutter.

Каратель изменился в лице и застыл. Подельники захохотали. А секунду спустя он нажал на кнопку, которую у рейлганов делают похожей на традиционный спусковой крючок. Раздался хлопок, будто откупорили бутылку шампанского. Глаза пленного закатились, во лбу образовалась дыра размером с монету. Красные брызги попали на проржавевшее эмалированное ведро, забытое давно съехавшими хозяевами гасиенды.

Потом он упал лицом вниз в бурьян, и вокруг его головы в траве стала растекаться кровавая студенистая лужа. Хохот и приветственные крики. Солдаты хвалили товарища за удачный выстрел. Как будто можно было промахнуться в упор.

Остальные пленные, стоящие на коленях в ряд, дернулись при звуке выстрела, но тех, кто был без магнитных наручников, удержали на месте упертые в спину стволы оружия. Кто-то попытался встать, но его сбили с ног ударом приклада.

Позади, за невысоким покосившимся заборчиком, вдоль которого рос густой колючий кустарник, тянулись улочки вечернего Канкуна. Это был глухой одноэтажный бедняцкий район, почти без прохожих. Но, видимо, карателей не очень волновало, что пуля рейлгана может задеть кого-нибудь на излете. Они уже показали, что не остановятся перед случайными жертвами.

Убитый парень вряд ли являлся бывалым лесным герильяс. Судя по одежде – рэперским штанам и толстовке-«худи», расписанной угрожающими символами, похожими на мафиозные, он был «cholo» – мелким дворовым хулиганом, взявшим оружие пару дней назад, чтобы присоединиться к восстанию. И вот так бесславно закончилась его война.

– Но-по! – замахал руками второй каратель, тоже с черепом вместо лица, тощий, костлявый, в высоких ботинках на шнуровке. – Я могу круче. Смотрите, парни.

У этого был тупоносый карабин, с виду похожий на импульсник – нелетальное полицейское оружие. Но Макс уже видел такую модификацию – «Отбойник», или «Jackhammer». Не кустарная, а фабричная модификация. В ней фокусированный пучок ультразвука усилен в десятки раз, и дает эффект выстрела из дробовика, но нет ни частиц, ни рикошетов. А на расстоянии в десять метров этот sonic boom полностью рассеивается. Незаменимо для полицейских операций.

И вот худощавый «матадор» из Гвадалахары по имени Альваро, подошел ко второму пленному – смуглому парню лет двадцати в футболке, кроссовках и спортивных штанах, с синевой щетины на лице. Когда этого «спортсмена» задержали, на нем была бейсболка, повернутая козырьком назад, но она слетела, когда его лицо сапогами превращали в месиво. Он явно тоже был не из интеллектуалов, со взглядом злого волчонка. Когда его взяли, при себе у него был выкидной нож и самодельный пугач с резиновыми пулями, над которыми «матадоры» долго смеялись. Тут на улицах нормальными считались только свинцовые. Но от задержания это его не спасло.

– Твое последнее слово, чико, – широко улыбнулся каратель. Зубы у него были ухоженные, отбеленные. Явно не нищий, хотя тут и не было прямой связи с уровнем дохода. Многие обитатели дна тоже пытаются пустить пыль в глаза.

Молодой повстанец – который мог присоединиться к революции всего пару часов назад, – успел раскрыть рот. Попытался придать лицу простого дворового пацана выражение то ли гордости, то ли гнева. Явно собирался сказать что-то резкое, но ему не дали. Выстрел прозвучал раньше, чем он успел произнести хоть звук. И верх его черепной коробки подлетел, как крышка перегретой кастрюли, высвобождая содержимое. А каратели вновь разразились глумливым хохотом: «Скучно с тобой, амиго. Совсем безмозглый».

Третий пленный не смог сохранить такое же достоинство. Штаны у него были мокрыми – когда пленных волочили сюда, многих не раз роняли в жидкую грязь. Но этого не роняли – он действительно обмочился от страха.

– Отведите меня к сеньору капитану! – заблеял худой метис в дутой куртке, светлых блестящих брюках и туфлях с острыми носками, похожий на мелкого воришку. Его глаза бешено вращались в глазницах. – Я... только не... а-а-а!

Железная рука-манипулятор «Handy-M», надетая на одного из палачей как третья хватательная конечность – взяла его за голову, словно поместив ее в тиски, так что металлические пальцы-клешни оказалась на висках. Чуть слышно заработали моторы. И миг спустя голова парня, который мог не иметь к повстанцам никакого отношения, сложилась как выдолбленная тыква, если наступить на нее сапогом. Глаза вылезли из орбит, кровь брызнула во все стороны. Часть попала на двоих палачей. Но никто из них и бровью не повел.

«Это все не настоящее, – метнулась в голове Максима спасительная мысль. – Это, мать его, страшный сон».

Механическая рука с сервоприводами облегчала жизнь рабочим ручного труда, помогала держать тяжелые грузы. А здесь с ее помощью таким же пролетариям дробили черепа.

Каратели довольно загоготали. Здоровенный толстяк в черной форме без знаков различия, судя по всему, командир или вожак бригады, каудильо, одобрительно похлопал очередного убийцу по плечу.

В прежней жизни старший «матадор» был продавцом в Лавке органического мяса.

«Какой неуч придумал эту торговую марку? – пронеслось в голове у Максима. – Любое мясо органическое. Хоть из сои, хоть клонированное, хоть из принтера...»

Но мысль сдуло, как порывом урагана, потому что бывший мясник пошел, широко зевая, вдоль ряда пленных, стреляя им в затылок из небольшого рейлгана с пистолетной рукояткой, будто снова открывая бутылки. Пленных было почти три десятка. Они падали один за другим лицом вниз. По шеренге пронесся истошный крик. Никто не мог убежать или наброситься на палачей – магнитные наручники держали крепко, а у самых опасных были скованы и ноги. Только несколько человек, самых измордованных или слабых, каратели оставили без наручников. Видимо, на всех устройств не хватило.

Убив восьмерых, каудильо остановился, чтоб перевести дух. Судя по профилю, он страдал от ожирения и гипертонии. Его айидент был синий, а не красный, – потому что система давала оценку с точки зрения государства, а для государства он был законопослушным и полезным гражданином.

«Матадоры»... Было в этом испанском назывании вещей своими именами что-то правильное и честное. Не миротворцы, не спасатели и не освободители. Убийцы. То, что написано на упаковке.

Но больше ничего хорошего в них не было. Макс немного знал, что это за материал. Это были подонки людского рода. Очень малая часть из них была бывшими военными местной дивизии Корпуса мира, уволенными в запас за должностные преступления, превышение полномочий или банальную уголовщину. Еще были бывшие копы, которых выгнали даже из полиции. Бывшие надзиратели, которые даже для тюрьмы оказались слишком жестоки. Бывшие мафиози, которые даже для кровавых наркокартелей стали слишком большой головной болью. Но основу составляла накипь – отбросы со всей Латинской Америки, да иногда и из других частей света, привлеченные легким заработком либо легальной возможностью реализовать свои наклонности. А часто и первое, и второе. Ждать от них пощады было глупо. Особенно теперь – когда революция началась, и те знали, что скоро земля будет гореть у них под ногами. Можно было ждать только легкой смерти.

Как же они втроем могли не почуять засаду? Ладно, эти зеленые новички из тех, кто еще недавно войну и тайные операции мог увидеть только в VR-игре. Но ему-то, бывшему офицеру Корпуса, должно быть стыдно. Вдвойне. Как и его напарникам – подпольщикам со стажем из «Авангарда», из Второй интербригады имени Эрнесто Гевары...

Почему они решили, что в пафосном, не трущобном районе – в паре километров от стратегического аэропорта – им удастся легко затеряться?

А ведь задание казалось выполнимым. Проникнуть в район Исла Дорада и убить судью, который был попутно координатором местного «Эскадрона смерти». Los escuadrones de la muerte в здешних краях такая же привычная вещь, как в других – клуб любителей шахмат или икебаны. По крайней мере, последние десять лет.

Исла Дорада – место действительно золотое, название не врало. Элитный морской комплекс, где жили те, у кого есть десять миллионов глобо на покупку виллы и по полмиллиона в год на ее содержание. Он круглосуточно охранялся и был отделен охранным периметром даже от расположенных неподалеку фешенебельных отелей.

Но все же это не военная база – слишком высокие заборы, колючая проволока, вышки и прожекторы испортили бы хозяевам жизни вид на морские просторы. Поэтому изучение прилегающей территории позволило найти уязвимое место – со стороны моря к берегу примыкал небольшой утес. Его вершина, на которой с трудом, рискуя упасть, могли поместиться два человека, была всего на несколько метров ниже уровня одной из террас имения. И как раз на этой террасе любил вечерами проводить время сеньор судья.

Но чтобы попасть на площадку, чьи трехмерные координаты знал каждый из них, надо было не только вскарабкаться на вершину (для этого у них имелись «присоски Спайдермена»), но и перерезать в нескольких местах защитную сеть и отключить направленным импульсом одну камеру. Другой сигнал подменил изображение с камеры фальшивым. Оператор системы безопасности ничего не заметил бы минимум полчаса – ложное изображение было подобрано очень грамотно.

Это была вторая их ликвидация. Примерно в таком же районе курорта Сан-Мигель-де-Косумель они за две недели до этого убили полицейского комиссара штата, известного тем, что у него не доживали до суда обвиняемые. И не все, а только политически опасные.

Макс уже знал эту примету стран сектора «ЦЮА», куда, вопреки географии, входила и Мексика – границы кварталов богатых и бедных в одном и том же городе были похожи на границу враждебных государств. А охранялись даже мощнее. Гусеничные роботы, летающие дроны, иногда даже неуклюжие шагающие андройды, на которых совсем недавно разрешили устанавливать оружие. Явно для того, чтобы пугали своим видом, – справиться с шагоходами было проще, чем с приземистыми танкетками на гусеницах, и уж ни в какое сравнение они не шли с воздушными дронами, на которые израильтяне еще тридцать лет назад научились вешать стабилизированные снайперские винтовки. Иногда их даже похищали и перепрошивали.

Ту первую акцию в сентябре удалось провернуть довольно чисто. Максим ее хорошо запомнил.

Начальник полиции был толстым. Весил этот бодипозитивный сибарит не меньше ста сорока килограммов и лицом подходил на жабу. Видимо, это был его личный выбор, потому что уж он-то мог позволить себе любую коррекцию внешности. Деньги через его руки проходили огромные, что-то текло наверх, а многое и прилипало. Но даже если бы он выглядел как Аллен Делон в молодости, все равно заслуживал бы пулю, учитывая «послужной список».

И в свой последний день начальник полиции города тоже не был праведником. Не преминул облапать длинноногую служанку, которая принесла поднос с вином и закусками. У нее были синие волосы, платье французской горничной и внешность героини аниме. Волоокая, с кукольными чертами лица, которые не могли появиться без участия пластического хирурга. На груди мог бы удержаться наполненный бокал вина, вернее даже два. Она была похожа на

работа, ее движения были уж очень механистичными, но наверняка девушка не была машиной. Просто такой фетиш был популярен в некоторых кругах.

Максим не мог видеть его взгляда, но что-то ему подсказывало, что толстяк намекает красоте на продолжение... и в ее положении она не сможет отказаться. А может, особые услуги были частью контракта. Рынок труда диктует свои условия.

Но сегодня он внесет коррективы. Когда девчонка, опустив голову, скрылась во флигеле, Рихтер прицелился и со своим тевтонским спокойствием всадил жирдяю пулю в середину лба, разрушив его планы на приятное продолжение вечера. Старый и надежный патрон, «ветеран» стольких войн, не подвел, да и не мог подвести. Винтовка тоже была надежнее некуда.

Точно так же когда-то на другом континенте Макс убивал неграмотных пастухов и крестьян, называвших себя повстанцами, а от Мирового совета получивших клеймо «террористов». Хотя на самом деле они были просто дилетантами и пушечным мясом для своих лидеров. Правда, тогда его оружие было не в пример современнее.

И вот посреди поместья, наполненного услужливыми холоуями и дорогими цацками, с полным гаражом наземных и воздушных машин, жирный паук, опрокинув бокал с кроваво-красным вином, лежал с дыркой в голове лицом в стол, на котором были расставлены поварварски роскошные закуски. Такой же мертвый, как те безымянные мятежники.

Но не было радости. No regret. No rejoice. Одна смерть не стирала другие из памяти и не искупала их. Впрочем, стыда за прошлое тоже не было. Еще один синдром эмоционального выгорания.

Максим тогда подумал, что это была своеобразная проверка, тест на вшивость для него. Его повязали кровью, но он не возражал. Ощущение хорошо сделанной работы портил только чуть не сорвавшийся отход без обнаружения, хоть это и была не их вина. Тогда Рихтер и прикрывавшая его двойка с трудом ушли от погони. Пара юрких дронов влетела через окно на чердак, где была оборудована позиция, когда ликвидаторы еще только садились во дворе на мотоциклы. То есть через минуту после выстрела. Видимо, противоснайперскими системами были оборудованы не только военные объекты. И эти системы засекали входящие в воздушное пространство объекты, похожие на пули, и вычисляли дистанцию и расстояние до источника даже без вспышки, без бликов, с бесшумным выстрелом. Максим попенял себе за то, что они слишком расслабились, узнав от партизанской разведки, что поместье охраняли вооруженные старыми автоматами бывшие копы, которые несли службу так плохо, что их можно было передушить как котят. На посту они рассказывали друг другу пошлые анекдоты и проклинали низкую зарплату. Но кроме этих пенсионеров тут оказались и современные дроны, которые стоили как оклад живых охранников за полгода.

Через пять минут перед зданием появилась группа быстрого реагирования из федеральной полиции. Но налаженная система противопартизанской борьбы уже была расстроена, и спецназовцы уехали ни с чем, пробыв на месте всего полчаса и все это время тревожно озираясь. Еще бы – даже в этом районе уже случались нападения.

На этом проспекте (здешние проспекты звались авенидами) видеокамер не хватало. Вернее, установили-то их много – но одни были сломаны, другие украдены, а у третьих объективы замазаны краской из пистолета-распылителя. И это было не диверсией, а обычным хулиганством и раздолбайством. Половина фонарей уже была разбита малолетней шпаной или взрослыми пьяными компаниями, которые находились в шаге от того, чтобы начать громить сами здешние отели. Обитатели дна быстро поняли, что регулярной фотосъемки с дронов больше не ведется. Плюс в системе распознавания лиц городского управления полиции завелся неустрашимый сбой, который парализовал всю работу. Конечно, все это произошло неслучайно, но местным гопникам было на руку, так же, как и повстанцам.

Ликвидаторы в это время уже неслись на мотоциклах по ночному городу – ни дать ни взять лихие байкеры, залившие глаза пивом и текилой. А может, его напарники, имена которых

он с трудом запомнил (они были двойные, типа Хосе Мария и Родриго Гарсия), успели принять немного из фляжек. Он не обратил внимания. Блестящие черные шлемы, пурпурные значки с коронами, которые они нацепили по пути, сделали их похожими на мотоциклистов-лоялистов из ультраправых организаций, многие из которых служили «матадорами». Черные маскировочные костюмы не сильно отличались от одежды байкеров, обожающих блестящую натуральную кожу.

Своего рода защитная мимикрия. Правда, у байкеров куртки были еще богато украшены серебряными цепями и эмблемами в виде костей и черепов. Такого количества атрибутов смерти Рихтер в Северной Америке еще не видел.

Максим молчал и смотрел только на дорогу, а его напарники подвывали как волки и, по очереди отпуская рули, грозили в ночи кулаками кому-то неведомому. С них слетела угрюмость, которая сопровождала их во время выхода на цель и исполнения задания. А вот к нему она, наоборот, прицепилась. Российская винтовка с отомкнутыми прикладом и стволом лежала у него за спиной в чехле от гитары.

– Дай пять, *hombre!* – крикнул старший из напарников ему прямо в ухо, рискуя свалиться с железного коня. – Ты молодец! Крутой чувак!

Рихтер предложение проигнорировал, помотав головой и лишь показав большой палец, хотя байк, оборудованный гироскопом, держал равновесие сам. Упасть на нем можно было только специально. Но что это за дичь и ребячество? Вроде взрослые люди.

И это было только начало. Когда их тройка вернулась на базу, экспансивные местные камрады устроили всем троице овацию с криками «*Hola! Hola!*» и полным набором жестов одобрения: хлопали в ладоши, хлопали по плечам и по спине – личное пространство тут нарушали проще, чем в Европе, – и уговаривали выпить вместе. Хорошо еще, что не на брудершафт. Особенно выразительно глядели женщины. Макс видел, что на него смотрят как на героя. Ведь это он произвел выстрел. Но у него уже тогда остался неприятный осадок. В Корпусе он убивал людей, но там был бой, а не хладнокровное убийство из-за угла. Как бы по-детски это ни звучало.

После этой акции бойцы герильяс стали доверять Рихтеру как одному из своих. Как будто он был с ними с самого начала Сопrotивления. Потом у них с товарищами были только рутинные дела, которые есть и в жизни подпольщиков.

Прошло не так много времени, и командир вызвал Максима к себе снова. Сказал, что внедренный агент сообщил ценные сведения о *paramilitares*. И представил ему двух других напарников, сказав, что на этот раз надо обставить все по-другому. С более короткой дистанции и без снайперского оружия.

«Вы убираете не тех, кто больше всего заслужил смерть, – до таких мы еще доберемся, – а тех, кто может помешать нам», – объяснил им команданте Ортега, отправляя на задание.

Чему помешать? Рихтер уже тогда понял, к чему тот клонит, хотя и не называет вещи своими именами.

Их боевая тройка – только он в ней был новым человеком в движении, а двое других – бывальыми партизанами с полугодовым стажем – вышла на позицию рядом с гасиендой вечером. Выбрались на заранее замеченный уступ скалы у самой воды, немного обсохли, а потом надели и включили адаптивный камуфляж – не совсем невидимость, а ее более дешевый вариант, позволяющий слиться с фоном. Но в тени сойдет. Правда, желательно не намочить его снаряжу, иначе есть риск демаскироваться.

Надев присоски, забрались на площадку. В этом месте граница имения судейского шишки уходила на пятьдесят метров в море и далеко выходила за пределы заборчика гасиенды. То есть они уже вторглись на частную территорию.

Зная распорядок дня судьи, они стали ждать, когда он выйдет из дома, чтобы выпить вина в беседке на террасе, увитой красными цветами бугенвиллии, вдыхая аромат цветущих франжипани и глядя на бескрайнюю морскую даль. Он делал это каждый день, судя по данным наблюдений. И всегда был один.

Но в этот вечер привычный порядок был нарушен. Сначала появился уже знакомый им высокий статный господин. Их цель. А потом из дома вышла женщина и подошла к судье, который сидел, подперев рукой подбородок, и смотрел в сторону моря. Бурно жестикулируя, она начала говорить. Громко и эмоционально. Можно было и подслушать, и даже прочитать по движению губ, но Рихтер почувствовал, что это к делу не относится. «Негодяй» – расшифровал он одно слово и отключил анализатор. Пусть чужие тайны останутся чужими тайнами.

Женщина была средних лет, с гордой посадкой головы и в неброских, но дорогих нарядах haute couture, в серой гамме, без украшений. Не прислуга, не подруга и не любовница, а законная жена. Уж такие нюансы Максим к своим тридцати пяти годам видел сразу. И то, что она говорила, явно не радовало судью, потому что он мрачнел еще больше.

В «линзах» – даже при отключенной сети – была целая куча привычных и нужных, а также не очень нужных фиш: дальномер, компас, календарь, атомные часы. Они могли определять параметры погоды, размеры объектов, скорость ветра, фазы луны, переводить с базовых языков. Даже устаревшие «линзы» заменяли самый совершенный из компьютеров прошлого. А у Рихтера они были не древние, а новейшие и нестандартные, прошитые.

У напарников таких «линз» не было, а был один на двоих старый, но надежный цифровой армейский бинокль. И такие нюансы, как выражение лица, они видеть не могли.

«Каждому Всевышний выбирает не только день и способ ухода, но и ту картину, которую мы увидим последней», – вспомнил Максим чьи-то слова. И личная драма их жертвы – если он все правильно понял – ни на что уже не влияла. Да и нельзя было понять, насколько серьезной была эта драма. Может, такое происходит у них каждый день, но за закрытыми дверями?

Судья, в отличие от полицейской шишки, не был похож на карикатурного мексиканского дона – пузатого, шумного, с сальными глазками. Это был благообразный и интеллигентный мужчина лет пятидесяти, европейского вида, в очках, спортивный. И любил он, судя по досье, не нелегальную корриду и не петушиные бои, а искусство постимпрессионистов, богатую коллекцию которых собрал. «Искусство должно принадлежать народу! Ничего, потом конфискуем у таких упырей, – говорил Ортега, провозжая их на задание. – Вместе с виллами. Будет тут какой-нибудь детский приют для сирот».

Они подождали, когда удалится женщина. Ортега отдельно запретил вредить непричастным. Максиму это и без того не пришло бы в голову, но он задумался – а так ли уж щепетильны его камрады, раз для них надо повторять такую банальную истину? Ему эти парни, которых он впервые увидел всего за пару дней до акции, показались очень, как говорят американцы, trigger-happy. То есть любителями пострелять. Герильяс, с которыми он ходил на предыдущее задание, были более сдержанными. Но их перевели на другой фронт подпольной работы, а ему в ультимативной форме навязали этих двоих.

И если Рауль, индеец с бугристым, будто изъеденным оспой лицом, был, несмотря на суровый вид, само спокойствие, то у второго – усатого латиноамериканца по имени Сальвадор явно чесались руки кого-нибудь замочить. Он ерзал на месте и матерился сквозь зубы. Рихтер думал, что знает испанский, но сейчас мог только догадываться о смысле некоторых слов.

Сам он никогда не считал себя чистоплюем, но понимал, что случайные жертвы популярности их делу не добавят. Максим подозревал, что не будь его здесь, они могли бы пристрелить и бабу для гарантии. А может, чтобы выместить свою социальную ненависть. У Рауля было два пистолета, у Сальвадора – старый пистолет-пулемет «Ингрэм». Но «Калашников» доверили Максу – видимо, как почти русскому, – и он был рад, что автомат со сносной дальностью поражения и хорошей скорострельностью именно у него.

И вот женщина ушла, напоследок хлопнув застекленной дверью парадного входа так, что услышали даже партизаны. Потом в одном из окон второго этажа зажегся свет. Рихтер увидел знакомый силуэт, а чуть позже опустились жалюзи.

Они выжидали. Во всем трехэтажном здании светились еще только два окошка в правом крыле. Охрана или прислуга, и их немного. Можно было, конечно, поддаться паранойе и увидеть тут засаду, но это не поможет в их деле. И двадцать к одному, что засады нет.

Судья налил себе из бутылки чего-то похожего на виски или бурбон. Кубики льда растворялись в стакане. Вряд ли он радовался жизни, сидя, будто окаменев, в садовом кресле-качалке, пока его будущие убийцы, как два жнеца с косами, невидимые для глаз, балансировали на крохотной скалистой вершине. Сальвадор ждал внизу и страховал.

«Даже хорошо, что объект так застыл», – подумалось Рихтеру.

У Рауля, который опустился на одно колено рядом с Максом на утесе, рассматривая особняк, была, кроме пистолетов (он никогда не стрелял из них по-македонски, с двух рук, просто один был запасным), разборная пневматическая винтовка с «оптикой». Ее он только что собрал из частей, помещавшихся в чехол для винтажного фотоаппарата. Такой фотоаппарат скорее подошел бы туристу, а не местному индейцу, но лучше маскировки они не придумали. Эффективная дальность этого ружья не превышала пятидесяти метров. Зато никакой детектор не отличит иголку от ночного насекомого. Быстро прицелившись, Рауль выстрелил прямо через забор дротиком, заправленным сильным нервно-паралитическим ядом. Яд был не новым – вряд ли среди повстанцев были хорошие химики. Скорее, какая-то древняя разработка соцлагеря. Но подействовал он как надо. В первую секунду судья почувствовал укол, похожий на укус пчелы, а минуту спустя уже корчился и задыхался, хватая себя за горло в попытках расстегнуть и без того расстегнутый воротник рубашки. Лицо его посинело. Потом он упал, а вскоре его тело замерло. Они выждали пару минут. Больше времени у них не было. Но и этого Максиму хватило. Он почувствовал себя совсем не так, как во время прошлой ликвидации. Хотя в этот раз стрелял и не он. Не было ощущения свершившейся справедливости. Он запомнил, как этот человек пытался ухватить хоть глоток воздуха – и не мог.

Как там его звали? Конечно, много чести мерзавцу, чтоб его имя помнили. Вряд ли тот помнил имена людей, которых по его приговору уморили в сырых казематах. Но что-то человеческое на мгновение шевельнулось у Рихтера в душе. Хорошо еще, что дети покойного не увидят эту картину. Брак у него второй, а дети от первого выросли и учатся где-нибудь в Париже или в Лондоне.

«Эта стерва в сером, пожалуй, только порадует. Еще бы. Такое наследство».

Хотя, возможно, он был несправедлив к ней. Может, у супругов обычный конфликт. А ведь именно ей предстоит обнаружить тело. К тому же она еще не знала, что скоро начнутся процессы под названием «люстрации» и «экспроприации», которые могут затронуть и родственников тех, кто был связан с Ancien Régime. Максим не сомневался, что они начнутся.

На душе было спокойно, но никакого удовлетворения не ощущалось. «Дело сделано. Но дальше хочу воевать против солдат, а не гражданских. Можете считать меня чистоплюем», – так он собирался сказать команданте Ортеге по возвращении. И вызваться выполнять другое опасное задание, не связанное с убийством безоружных. Может, кто-то и должен быть палачом, но у него такой тяги не было.

Рихтер вряд ли пошел бы на эту операцию, если бы ему не сказали, сколько на счету у этого человека загубленных и сломанных жизней их товарищей. И просто страданий людей, случайно попавших под каток. Ведь этот джентльмен был далеко не только судейским чиновником – в свободное время он был координатором общества Sombra Negra, «Черная Тень». А значит, организовывал и бессудные расправы.

Не всех «матадоры» убивали, многих просто запугивали, но даже те, кто выходили из их рук живыми, помнили об этом долго. А с его смертью проправительственные штурмовики целого município – муниципалитета – останутся без руководства.

Убить судью дома было самым простым вариантом. Здание суда охранялось куда лучше, а его автомобиль имел высокую степень защиты. Поэтому пришлось пристрелить его практически на глазах семьи. Но на войне как на войне. Ошибкой сеньора судьи было то, что он слишком полагался на электронику, которую они заглушили с расстояния, проделав в ней коридор для прохода. А вот обычной вооруженной охраны тут было мало для такого большого периметра.

Сложив винтовку, они вдвоем быстро спустились со скалы. Сальвадор ждал их, но лодку, помещавшуюся в коробку размером с сигаретную пачку, еще не раскладывал. Они надеялись так же скрытно отплыть за пределы периметра и уже после сесть в нее. Но стоило трем призракам отдалиться от берега, как раздался истошный крик.

А через пару секунд зазвучала сирена тревоги, затем началось мельтешение прожекторов, один из которых захватил их в свой световой круг.

С берега донеслись крики. Раздался ляг открываемых где-то ворот, рев старых, но мощных бензиновых моторов.

– В лодку!

После нажатия кнопки посудина была приведена в рабочее состояние за пару секунд, и тут же партизаны запрыгнули в нее. Заработал мотор-водомер, и они быстро понеслись прочь от берега.

Два мультикоптера, стрекоча винтами, полетели вслед за ними, но упали в воду, пораженные из электромагнитной винтовки, успев выпустить несколько пуль наугад по ряби на воде. Особым шиком было бы забрать «птичек» с собой, но уже отчаливал от личной пристани пулеметный катер, куда втиснулись человек пять автоматчиков в черном. К счастью, партизаны успели оторваться и резко сбавили ход, закачавшись на воде. Прикрытая сверху тремя невидимыми людьми, сама невесомая посудина стала почти неразличима.

Японский катер на воздушной подушке прошел мимо, но ни пулеметчик за ручной турелью, ни стрелки на палубе не заметили троих диверсантов. Лишь бестолково шарили лучи прожекторов. Экипажу повезло, потому что Рихтер уже приготовил автомат, а его спутники – гранаты, так как от их «пушек» на такой дистанции было мало толку. Пусть и с сомнительными шансами, но они втроем могли открыть огонь первыми. И тогда сирот для будущих приютов стало бы чуть больше.

Вскоре хOVERкрафт исчез вдали, и они снова поплыли с максимальной скоростью, избегая освещенных зон.

Две трети работы было сделано. Оставалось лишь добраться до берега и затеряться.

Конечно, проще было бы убить судью из СВД, которую «ребелы» очень уважали, как и все изделия советского и российского военпрома, за простоту и ремонтпригодность. У повстанцев, которые пришли из мест, где легко найти только грязь и песок, но трудно найти мощную «зарядку», был в основном огнестрел, а не энергетические пушки. Еще лучше было бы замочить мерзавца на входе в здание суда. Но вокруг местного Дворца правосудия (новодел «под старину») было не так много высоких зданий, и все они хорошо охранялись, а риск попасться был бы куда выше, чем при недавнем уничтожении полицейского начальника.

И наверняка Ортега попутно решил еще раз проверить чужака, бывшего врага, в деле. Хотя вряд ли он хотел, чтобы они провалились и их задержали. А они облажались и в шаге от безопасного места попали как кур во щи. Есть такое русское выражение.

Щи... или «Schtschi». Максим помнил вкус этого супа с детства, хотя он ему и не нравился. Бабушка всегда готовила сама, говоря, что даже в так называемых русских ресторанах этот суп дерьмовый, с какой-нибудь брокколи вместо нормальной кислой капусты. А в консервах и полуфабрикатах, мол, еще дерьмовее. Вся немецкая ветвь их семьи, помешанная на

здоровом питании, говорила, что в любом виде этот суп вредный, в нем свободные радикалы и вредное для организма красное мясо. Но Grossmutter все равно умудрялась пичкать им внука, попутно рассказывая про пионерию и Красную армию. А еще включала аудиокниги Егора Гайдара про героев-партизан.

Стоит ли говорить, что его родители взглядов бабушки не разделяли. Знали бы они, что сын станет как раз таким радикалом. И что мяса у него на пути будет с избытком, причем именно красного.

* * *

По ушам ударили раскаты басов – настолько сильно, что завибрировали барабанные перепонки. Старый прием. Включали музыку погромче, чтобы не было слышно выстрелов и криков. Максим знал, что мексиканский «металл» еще забойнее, чем мексиканский рэп. Но этот брутал-дэт-металл был круче всего, что он раньше слышал. Ода выбитым мозгам и могильным червям под inferнальный гроулинг и тяжелые гитарные риффы.

У одного из «матадоров» была странная штука, которую Макс сначала принял за маленький коммуникатор в чехле. Но это был антикварный цифровой фотоаппарат. Модная вещица, хотя и пижонски-бесполезная. Из тех времен, когда компьютеры еще стояли на столах, у файлов были расширения, а у мониторов – разрешение.

Каратель небрежным жестом, будто ээсовец в Париже, сделал несколько снимков.

Два маленьких дрона типа «Magic eye» парили в воздухе, давая панорамную картинку – крохотные рядом с полицейскими «шершнями», готовыми убить или обездвигить разрядом тока. Но вся съемка и разведка явно лежали на них.

– Не заслоняйте! – замахал рукой в перчатке каудильо. – А то ни хрена не видно!

Музыка перекрывала всё, но «матадоры» общались по закрытому каналу-чату. Вернее, это они думали, что закрытому. На самом деле Макс всё слышал, но об этом маленьком преимуществе им не надо было знать. И все равно Рихтер не понял, зачем они снимают. Для отчета начальству?

– Хосе, иди сюда, – здоровяк-командир кивнул еще одному «матадору», парню с камуфляжным рюкзаком за спиной. – Давай, поддай жару! Вон тот смуглый... судя по ориентировке... не простой бродяга. Он террорист и убийца. Сделай его не смуглым, а совсем черным!

Вразвалочку Хосе подошел к напарнику Макса – молчаливому мексиканцу по имени Сальвадор, которого товарищи звали просто Сал. Видя приближающегося к нему широкими шагами «матадора», подпольщик-ликвидатор только презрительно сплюнул. А каратель поднял руку, в которой было что-то вроде разбрызгивателя, соединенного шлангом с рюкзаком, и из узкого раструба в его жертву метнулась струя желтого огня.

Пламя охватило мексиканца, в мгновение ока вспыхнули волосы и одежда. Тот повалился на колени, а потом начал кататься по земле – насколько позволяли скованные руки и ноги.

Из ряда палачей раздались смешки. Огонь не сбивался. Только трава вокруг стала черной и съезжилась. Подпольщик закричал не сразу. Максиму даже показалось, что Сал не раскроет рта. Но такая боль превосходит любую силу воли. Воздух наполнился запахом горелой плоти, который противно защищал ноздри, и раздался, хоть и с отсрочкой на пару секунд, нечеловеческий вой. А каратель направил раструб на распростертое горящее тело еще раз, довершая начатое. Макс отвел глаза, малодушно, трусливо... рефлекторно. Не хотел видеть. Хотя даже не знал об этом человеке почти ничего.

Все это творилось под хриплый рык солиста, визг электрогитар и тяжелые удары барабанов. Крик оборвался, но огонь еще какое-то время продолжал извергаться. Вскоре остался только черный обугленный труп, который той же механической рукой столкнули в яму. Это уже была не казнь и даже не суд Линча. Этому не было названия.

– Вот это было круто, – командир вытер липкий пот со лба. – *Hasta la vista, amigo*. Если выложить, набрало бы миллионы просмотров. Ну, кто следующий?

В воздухе кружились черные хлопья копоти. И продолжала гореть напалмовым огнем трава.

Макс пытался думать о самых светлых моментах жизни, но не получалось. Об их доме в районе Ислингтон. О ее глазах, когда он сказал ей, что... Нет. Чушь и вранье. Этого больше нет. Ничего. Есть только дуло винтовки в сантиметре от спины. И позирующий огнеметчик Хосе в маске с черепом. И командир «матадоров», который даже не прятал своей жирной морды. И оператор с камерой, который пританцовывал на месте. А невидимый музыкант все пел про морги и кладбища по-испански и по-английски, в настолько отвязной манере, будто упоролся героином.

Внутри у Максима похолодело. Смерть – та самая *Santa Muerte*, в которую верили культисты, – остановилась за два человека от него. Просто карателям надоело, они, видимо, устали и решили выпить пепси-коки, несколько десятков банок которой лежало в сумке-холодильнике. Их недавняя тревога ушла. Они ничего не боялись и снова чувствовали себя хозяевами положения. Наручники не сломаешь, а рядом парили вертлявые дроны – «Шершни» в свободном полете. И уж точно никому не было дела до какого-то убитого судьи. Это была не месть, а забава. Или рутинная работа.

Как они, ликвидаторы, могли попасть в лапы к таким недоумкам? Хороший вопрос.

* * *

Когда боевая группа вышла на берег возле района Альфредо-Бонфиль, который когда-то был поселком земледельцев, а теперь стал частью города, то им оставалось перейти шоссе Канкун-Тулум в том месте, где оно переходит в бульвар Луиса Дональдо Колозио. Место это людное, и на пляже всегда полно народа. И хотя рядом шикарные магазины, отели и университет Канкуна, да и аэропорт тоже, три человека в шортах и шлепанцах, с мокрыми волосами и свернутыми полотенцами в руках никакого внимания к себе не привлекают.

И всего-то надо было добраться до конспиративной квартиры в трех кварталах от дороги. Ориентироваться в латиноамериканских городах просто – те, как ни странно, строго геометричны. Но даже если бы уставшие бойцы затупили, к их услугам была карта любого масштаба и проекции.

Канкун, если чуть отойти от туристических районов, – город не самый примечательный. Тут почти одни новоделы, и особых архитектурных красот в колониальном стиле не найдешь. Серые улочки, однообразные кварталы приземистых домов – так выглядит он весь, кроме небольшой части, где сосредоточены отели и недвижимость экстра-класса. Только море и шикарные пляжи с идеальным песком отличали это место от любого заштатного городка Латинской Америки – не нищего, но совсем не богатого.

Им оставалось пройти какие-то пятьсот метров, когда их сцапали. Скорее всего, случайно. Это была даже не облава. Видимо, один из патрульных дронов заметил, как они выходили на берег, и каким-то образом их лица мелькнули в одной из баз данных. Вряд ли кто-то из своих заложил...

А дальше подлетели два квадробайка, и голос из мегафона приказал бросать оружие и поднять руки. Хотя оружия у них к тому моменту уже не было.

Соскочившие с байков люди в черном заломили им руки и куда-то повели. Оказывается, неподалеку, за рядом пальм, стояли, понуриив головы, десятка два-три избитых, окровавленных мужчин. Арестованных? Задержанных? По крайней мере, их охранял конвой из десяти или двенадцати бойцов в черной форме.

Макс сразу же понял, что никаких прав у них нет, а про основания захвата лучше даже не спрашивать. Все снаряжение ликвидаторы, следуя интуиции Максима, заранее выбросили в воду в глубоком месте посреди залива. Маскировочные костюмы, огнестрельное оружие, гранаты, складной *dart gun* и сама лодка были в непромокаемом полимерном чехле, который сразу слился с дном. Когда все уляжется, можно нырнуть и достать.

Теперь их было не отличить от обычных купальщиков. Подумаешь, три мужика отправились куда-то вечерком, ведь, несмотря на облавы и стрельбу, ночная жизнь в городе еще была. Но и эта конспирация не помогла.

– Пошли живей, вонючие коммуняки! – подгонял их пинками высокий толстяк. – Лучше молитесь, если умеете.

Но, как оказалось, про убийство тут еще ничего не знали. Они узнали про него двумя минутами позже, когда старший из «матадоров» разблокировал отключенную связь и тут же ему, похоже, посыпались сообщения с пометкой «Сверхвысокая важность», от чего он чуть не подскочил.

И началось. С первых секунд боевую тройку – как и их товарищей по несчастью – стали избивать. Грубо и бесцельно. Явно стараясь причинить боль, выбить зубы, а то и сломать ребра или отбить внутренние органы. Они были к этому готовы и пощады не просили. Вскоре первый сеанс избиения закончился. Рихтер как мог старался беречь лицо, но несколько гематом получил и потерял один из искусственных зубов. Не похоже было, чтобы их собирались доставлять в полицейское управление. И не похоже, чтобы с ними собирались проводить какие-то следственные мероприятия.

Тех, кого задержали до них, успели как следует обработать еще раньше. Но после сигнала тревоги всем еще добавили. Одному парню – по виду обычному бездельнику с пляжа – выбили глаз, и теперь он стоял в крови и зажимал глазницу, бормоча под нос то ли молитву, то ли мольбу о пощаде. Еще у четверых распухшие лица были похожи на карнавальные маски. Остальные тоже были со страшными ушибами лиц, с глубокими ссадинами и в окровавленной одежде.

Нет, на первый взгляд задержанные не были безобидными овечками. В Академии Корпуса мира учили базовым навыкам оперативной работы всех, в том числе и десантников, поэтому Максим, даже не видя синяков на плечах и мозолей на указательном пальце, мог почти безошибочно определить, кто из этих парней случайно попал под частый гребень облавы, кто – залетный бандит, а кто – действительно «свой», партизан-герильяс. Стрелял из-за угла в копов и «матадоров», бросал или подкладывал взрывающиеся сюрпризы. То есть всеми способами боролся за свободу.

Это было видно по глазам. А вот по нему самому вряд ли что-то было заметно. Он прошел долгую муштру и умел держать лицо. И в данный момент на нем было написано только то, что должно быть у случайного человека. Страх и растерянность. Но самих загонщиков, похоже, не волновало, что некоторые из тех, кто даже по их понятиям невиновны, погибнут.

Настоящими партизанами, хоть и без членских билетов в кармане, были тут только они троим.

Сломать можно любого. Но *paramilitares* даже не пытались их допрашивать. Все же Макс показалось, что, несмотря на свой кураж, каратели немного нервничали и суетились. Будто спешили. Это давало надежду... или, наоборот, уменьшало шансы до нуля.

Их троих, как и всех, обыскали. Собственно, у них была с собой только одна маленькая сумка на ремне. Нашли бумажные документы на липовые имена, небольшой швейцарский нож, перерыли всю остальную мелочевку – бутылку минералки, банку пива, соевые шоколадки, презервативы, упаковку «Бактериофага», крем от загара, непромокаемый гибкий планшет с набором безобидных приложений. Эти вещи никак не выдавали в них партизан из «Авангарда». Но каждую находку сопровождал злорадный смешок, будто в ней была мина или бомба. Каратели

явно уже дошли до такого градуса, что основания для подозрений им были не нужны. В планшете не хранилось никаких идеологических материалов и секретных записей. Зато была целая фонотека танцевальной музыки. Но чернорубашечники даже не стали в нем рыться, просто забрали себе, хотя он стоил не больше пятидесяти глобо и был просто мусором, которым пользовались только из-за дешевизны.

– Будете рассказывать, что пошли снять «цыпочек»? Или вы друг друга предпочитаете? Без разницы. Все равно мы знаем, что вы террористы... мучачос, ха-ха!

Вместе с остальными ликвидаторов запихнули в подъехавший грузовик грязно-желтого цвета. Это был не полицейский «Peacemaker» с водометами и распылителем слезогонки, а развалюха, похожая на школьный автобус, только с частыми решетками на окнах. Видимо, раньше он использовался, чтобы доставлять заключенных в какую-то из тюрем. Внутри было темно, пахло мочой, блевотиной и кровью. Сидений не было, их убрали. Можно было стоять, лишь держась за скобы. Задержанных просто утрамбовали внутрь через первую дверь – обычными резиновыми дубинками. Один из карателей слегка ударял замешкавшихся силовым кастетом в корпус. Этого хватало, чтобы тела последних троих залетели в салон, расталкивая остальных, как кегли.

То, что среди захваченных не было женщин, показалось Рихтеру очень дурным знаком. Значит, их взяли не для развлечения и не для истязания. Значит, будут убивать. Что поделаешь, в этой стране идея арифметического равенства полов не укоренилась так глубоко, как в Европе. И даже «матадорам» был свойственен своеобразный мачистский вариант благородства. Согласно которому изнасиловать впятером подозреваемую в сотрудничестве с «ребелами» девушку можно, а пристрелить без суда и следствия – уже не по понятиям. Это, конечно, случалось, но обычной практикой не было. Разумеется, если будет не просто подозрение, а уверенность – убить свою жертву «при попытке к бегству» благородные сеньоры могли без колебаний. А вот с мужчиной могли сделать все, что угодно, и за меньшее.

В автобусе члены тройки подпольщиков держались подальше от остальных, чтобы не подставлять их. Но те и не лезли к ним с разговорами. Обстановка не способствовала какому-либо общению. Все понимали, что их не ждет ничего хорошего.

Да, их повезли не в участок. И даже не в один из двух фильтрационных лагерей, оборудованных, как ни странно, не на стадионах, а построенных в поле за два дня из сборных модулей. И не в аэропорт, чтобы доставить в столицу или куда-то еще.

Макс узнал это место, потому что бывал поблизости. Совсем недалеко к западу от аэропорта начинались узкие улочки, пересекающиеся под прямым углом. Все они в этом районе носили названия стран мира – Куба, Ирак, Аустралия, Русия, Франция... Там, недалеко от баптистской церкви и закуской, где до начала беспорядков подавали вкусную курятину (в сентябре она закрылась), была вереница неприметных одноэтажных коттеджей, окруженных бурно разросшимся кустарником, название которого Макс знал только с подсказкой от Д-реальности.

Где-то рядом раскинулись Аэропорт Канкун, зоопарк и лучшее в штате поле для гольфа, а тут... будто застрявшие в прошлом столетии возделанные клочки земли, окруженные покосившимися заборами, похожие на маленькие фермерские поля. Вот уж точно – город контрастов. По пути сквозь узкий просвет меж прутьев решетки он видел белье, сохнущее на улице, и детей в одежде, купленной на вырост, которые при приближении странного автобуса разбегались, а некоторые прятались за заборами. Их матери тоже провожали автобус встревоженными взглядами. Створки окон закрывались, а на некоторых сразу опускались жалюзи.

Сами дома были простенькие, щитовые, в один этаж. Здесь жили не богатые, но и не нищие. Верхняя граница бедноты, те, у кого был хотя бы постоянный источник дохода. Даже если дома давно заложены банку, проценты выплачивались. Понимали ли они, кто едет? На таких автобусах возили и школьников, и заключенных, и просто рабочих. Может, им уже попа-

дался на глаза такой транспорт, а может, циркулировали какие-то слухи. В любом случае, местных можно понять: меньше знаешь – крепче спишь.

Чем дальше, тем беднее становились коттеджи и запущенные участки вокруг них. А расходящиеся в стороны грунтовые дороги постепенно превращались в узкие тропинки. Последние дома в ряду и вовсе выглядели полузаброшенными. Дорога к ним уже успела зарости травой. Машины сюда вряд ли часто заезжали. Но на картах это место было обозначено. Перед захиванием в автобус им заблокировали весь трафик... но не учли, что у кого-то может быть связь через совсем другой, не гражданский протокол. И не забрали у Рихтера «линзы», хотя одному из пленников стекляшки вынули, просто надавив пальцами на глазные яблоки. На месте карателей он бы сделал то же самое и со всеми остальными.

Ехали они совсем недолго. После пятнадцати минут тряски пленников выгнали наружу так же дубинками и ударами тока, только погонщики на этот раз вошли в салон через заднюю дверь.

Их построили в неровную колонну и погнали, не давая замедлить шага, подгоняя разрядами, заставлявшими людей подпрыгивать, что очень веселило конвойных.

Заросли розовой акации («*Robinia pseudoacacia*», – очень вовремя подсказала заботливая рамка), редкие оливковые деревья, мелкий выродившийся виноград... а вот и последний участок в ряду. Тут уж точно никто не живет. Скорее *datcha*, а не *hacienda*, и давно стоящая без владельца. Забор из сетки пополам с металлическими прутьями весь покрыт вьюном размером с лиану. Старая разбитая мебель во дворе – пища для термитов и дом для муравьев. Сама хижина, которую по-другому назвать нельзя, смотрит выбитым окном. У дорожки старый холодильник с оторванной дверцей, в нем сложен всякий хлам, включая куклу без головы. Тут же рядом прислонен к стене сарая разбитый телевизор с гибким экраном. Железная ржавая ванна у забора. А в огороде вместо грядок сладкого перца, фасоли и кукурузы – только местный живучий бурьян.

Их поставили на колени рядом с неглубоким рвом, который, возможно, был выкопан еще владельцами, а потом углублен. Остальное было слишком похоже на кошмарный сон.

Макс ущипнул себя, чтоб не «уплыть». Даже ему с его подготовкой было дурно.

– Прикопают прямо здесь, – прошептал индеец Рауль. – Найдут не скоро.

Этот пеон-сапатист в своем спокойствии был похож на вырезанного из дерева идола древних инков. К смерти бывший бродяга-козопас относился философски. Раньше он действительно был пастухом. Именно такой и была его партийная кличка – *El Vaquero*.

Но в этот момент Макс был совсем не рад его выдержке. Он чувствовал бессильную ярость. И стыд. Не испанский стыд за этих подонков – на войне от врагов глупо ждать пощады, – а стыд за себя, как за старшего и опытного, за то, что допустил это. Хоть и понимал умом, что его вины нет.

«Если нас вообще когда-либо найдут. Никому не будет дела до безмянных останков, – подумал Максим. – Объявят жертвами разборок наркокартелей, как всегда объявляли убитых „эскадронами смерти“. Вот оно, упрощенное правосудие. Но звери и палачи – конечно, революционеры. А когда-нибудь они распространят эту практику на весь мир. Ну что, атланты, расправившие плечи... довольны?».

Еще один «матадор», невысокий и кривоногий, подошел и сказал что-то с жутким акцентом прямо ему в ухо. Макс, владевший языком Маркеса и Борхеса, но не на уровне понимания диалектов, понял всего одно слово: «*Muerte*». Электронный переводчик в таком адском шуме тоже спасовал.

«Хороший повстанец – мертвый повстанец», – догадался Макс.

Айдент показал, что говорившего звали Педро, а вместо фамилии виднелся крестик. Видимо, ему было лень набирать, а может, неграмотный, хоть и умел пользоваться сетью, как

и все неграмотные. Зато считал себя чистокровным ацтеком из царства Ацтлан. То есть тоже индеец, но другой народности.

Где-то далеко за деревьями сияла псевдонеоновыми огнями набережная Канкуна. Это был не мираж и не ретушь. Все декоративные элементы Д-реальности Рихтер отключил еще раньше, чтоб не мешали. Нет, туристический кластер работал даже сейчас, когда на улицах других районов то и дело шли настоящие бои и лежали трупы, горели машины, а магазины были закрыты бронированными рольставнями. Только цены на путевки в сети резко снизились, потому что люди массово отказывались от них и отменяли бронь на номера в отелях. Отели и рестораторы несли потери в глобо, но все еще не готовы были закрыть свои заведения, надеясь, что бои со дня на день прекратятся.

То есть на то, что всех повстанцев убьют как собак.

– Хочешь сказать... что тебя зовут Майкл Спенсер? – здоровенный и плотный каратель, который был за старшего, явно любитель пончиков, тако и буррито, поднес прибор к его запястью. – За каких дебилов ты нас держишь, cabron?

Как же его раскрыли? Не по речи – ни североамериканцев, ни специалистов по языку среди шайки убийц не было. Видимо, по базам антропометрических данных.

– Твое настоящее имя Ганс Браун, – наконец с торжествующим видом усмехнулся потный амбал, прикрывая ладонью ухо, как делают новички, когда слушают голос по внутриушной рации. – И ты не из North America, а из Western Europe. Работник сети быстрого питания «Айсбайм» из Аусбурга. Бавария. Далеко же вас занесло, герр Браун!

«Не вычислили! – подумал Макс Рихтер. – Значит, у Ивана действительно золотые руки. И чип он сумел перепрошить на совесть».

А в следующую секунду ему захотелось сделать старинный жест, который называется «фейспалм». Закрывать ладонью лицо от стыда. Ваня Комаров может, и был хакером от бога, но еще многого не знал в том, что касается разведки и контрразведки. Не знал, что нельзя брать в качестве конспиративной фамилии одну из самых распространенных в той или иной стране. Не следует брать редкую, но и самая частая вызовет подозрения даже у самых тупых полицейских или агентов.

И это его, Макса, вина. Надо было проследить, какие имена Иван придумывает.

Но видимо этот тип был настолько глуп и самодоволен, что ничего не заподозрил.

– Ну что, герр шеф-повар Браун, лучше бы вы оставались дома, пили свое пиво с колбасками и готовили козлятину с кислой капустой. А сейчас колбасу мы сделаем из вас.

Правдой в этих «данных» было только то, что Макс родом из Германии. На самом деле ни в каких забегах он не работал. Вся биография в его профиле была фальшивой. При этом она была прикрыта еще одной фальшивкой про Северную Америку... которую они сумели легко разоблачить. А эту, второго уровня, не смогли. И его реальное имя останется им неизвестным.

Но что это меняло, если его сейчас прикончат? Много. Ниточка не будет разматываться дальше. Больше никто из ячейки не пострадает. Если, конечно, они не сумеют раскрутить Рауля или разбить его легенду, которая тоже была сконструирована Иваном.

* * *

Двое из «матадоров», судя по массивным торсам, носили тяжелые бронежилеты. А у одного был промышленный экзоскелет, он ходил в нем, как танцор на ходулях, покачивая тяжелыми руками толщиной с пожарные гидранты. Ему, наверное, было зверски жарко там внутри, но зато он чувствовал себя очень крутым. Ударом руки он мог вбить любого в землю.

А ведь еще был огнеметчик, который как раз закончил какие-то манипуляции со своим рюкзаком и шел обратно.

Максим подумал, что сейчас придет его черед становиться живым факелом.

Но почему-то они отошли и переключились на соседа через одного. Как и многие здесь, этот черноволосый мужчина почти европейского вида, с большим носом и кустистыми бровями, был толст. Судя по айдену, он был учителем из Акапулько по имени Карлос. И если он и воевал, то очень бестолково – у него был забинтован палец, что не слишком напоминало боевую рану. Затвором пистолета порезал? И такое бывает у новичков. А может, резал овощи на салат.

Теперь он плакал, губы его тряслись. Явно небогатый. Лишний вес – атрибут бедности. Бедным не до спорта, и именно они поглощают дешевые углеводы: «Трансжиры для транслюдей!». Только в совсем диких местах худоба была знаком нищеты и готовности работать за еду. Здесь, в Мексике, не такая глушь.

Но пощады учитель не просил и дрожащим голосом прокричал какое-то замысловатое ругательство-идиому. Сквозь грохот музыки и хриплые вопли басиста и солиста.

Почему-то они убрали огнемёт от его головы. Означало ли это, что даже до них что-то дошло? Нет, похоже, закончилась смесь в баллонах.

Учителю просто разбили лицо прикладом. Обычным прикладом – не рейлгана, а старой винтовки AR-15. А потом выстрелили в живот три раза и спихнули еще живого на дно канавы.

Выстрелы потонули в грохоте музыки. Пели на русском:

Кровь и кишки, гнилые мозги.
Труп разрубает топор на куски.
Глухо рычит бензопила!
В клетке чувак сгорает дотла.

Максима трясло. Если бы не смерть других и ощущение близкой гибели, это было бы смешно. Кто может слушать такой андеграунд? Смерть все-таки бывает нелепой. Хотя, подумал он, расстрел под слащавый рэпо-попс был бы еще гаже. Он делал все, чтоб его дрожь не заметили. Встречать конец надо достойно.

Вслед за куплетом начался забористый припев, с хриплым прокуренным вокалом солиста, который на русском пытался подражать кому-то из классиков тяжелого металла:

Не нужен больше пиломатериал.

Пилой разрежем БИОМАТЕРИАЛ!!!

«Дрын-дын-дын... рржж!! рржж!! А-а-а-а!» – фоновые звуки тоже были сделаны на совесть. Может, и видеоряд к этому клипу имелся.

В довершение этого театра абсурда без спроса подкинула подсказку сеть: «Музыка группы „Холерный эмбрион“, город Саранск, Российское Государство. С 2038 года исполняет песни в стиле ethnic death-grind-metal на русском, английском и эзьянском языках. Тематика песен связана...».

Дочитать Рихтер не смог. Его схватили за голову и, чуть не сломав шею, повернули ее в направлении, где должна была произойти новая казнь.

– Не отворачивайся, Ганс. Сейчас и твоя очередь придет. На тебе чупа-чупс, – кто-то сунул ему в лицо ствол пулемета, вырвав пушку из рук владельца-негра. Но чернокожий, матерясь на ломаном испанском, забрал оружие обратно. Шутка ему не понравилась, он злобно оскалился на проделавшего это карателя-метиса. Вдруг оба отпрыгнули, будто получив удар кнутом, и разошлись по разным углам. Ссору прекратил каудильо, послав обоим приказ вернуться на свои места и заткнуться.

Несколько выстрелов каратели произвели в лежащие на дне тела – только что сброшенного учителя и соседних с ним.

– Гребанные нацисты! – крикнул Макс. – Закончите, как ваш фюрер...

Он даже не подумал, что в устах этнического немца эти слова могут звучать комично. Потому что твердо знал, что ничего комичного в этом нет.

Услышали. Музыка стала потише. Видимо, даже им стало интересно. Но договорить ему не дали, ударили под дых. От такого удара другой бы упал, но он только поморщился. Все-таки его подготовка в Корпусе кое-что давала. Он умел лучше переносить боль, а скорость реакции превышала нормальную процентов на двадцать. Поэтому его чаще всего били не туда, куда хотели, а туда, куда позволял он.

А новым наборам, как он слышал, и вовсе что-то вживляют.

Новый удар. Их это забавляло. И ему, и двоим из пленных, которые попытались рвануться с места, несмотря на кандалы, отвесили еще по паре тумачков. Те двое упали. Обездвиженных людей бить легко, они не могли даже увернуться.

А вот Максим устоял на ногах.

Вдруг стало совсем тихо. Слава богу, что прекратилась эта адская музыка. Вместе с тишиной вернулась способность соображать.

Браслеты держали крепко. Он еще с Академии знал, что там сверхпроводящие магниты, которые при активации притягиваются друг к другу. Если они надеты на руки – человек просто не может ими пошевелить, а если на ноги – падает как подстреленная лошадь.

Вот и его «стреножили», активировав эту штуку, и он все-таки упал. От боли у него вырвалось ругательство. Немецкое «Scheisse!». Стоящий рядом каратель вдруг повернулся, и Макс увидел сквозь прорези маски его смеющиеся глаза. Он уже видел это злобное веселье – и у чужих, и у своих на этой войне.

Айдент не давал информации. В полицейских базах этот тип не значился, так как был с другого континента. Эвристический этноанализ определил его по фотографии как русского с вероятностью 95 %.

– Что, немчура? Не нравится, мил человек? Вот чертово пекло... Дышать нечем! – с этими словами каратель снял маску. У него и вправду был славянский акцент и рязанско-воронежские черты лица. Он говорил на английском, но очень плохо.

Его здоровенный босс, сам уже давно без маски, только кивнул: мол, снимай.

А Макс увидел тем временем их обмен сообщениями. Фразы летали перед глазами как птички.

«Эти ребелы ууже покоиники, шеф, – писал эсэмкой подчиненный, и, судя по всему, набирал через нейроввод, который иногда путает и дублирует буквы, когда торопишься. – Но нас поттом не прифлекут за геноцид?».

«Не бойсь. Из записи ваши рожи удалятся. Будут вместо них черепа. Но это последний раз, когда мы снимаем это дерьмо для отчета. Кто-то сливает видео фетишистам, – отвечал ему командир, четко и без ошибок. Или очень спокойный, или пользуется окулярным вводом. Или каким-то другим из старых, – Хватит уже! Ребелы тоже люди. замочим быстро. У нас еще работа. А узнаю, что вы слили видео в сеть... сами в ров пойдете! А все-таки хорошо, что они Старика грохнули. Даст бог, меня на его место поставят».

Другие тоже всю общались. В эсэмэках палачей были веселые эмотики, заменявшие половину слов, как египетские иероглифы. Рожицы улыбались, скалились черепа. Были даже кошечки и собаки.

«Мало платят, суки, – писал один. – За такую грязную собачью работу... Жалко, нельзя с их чипа все перекачать. Ну, хотя бы нал заберем. Покойникам ни к чему. Эти побрякушки они явно сперли».

Задержанных заставили перед казнью вывернуть карманы и отдать все личные вещи.

– А мне и без денег нравится, – произнес славянин вслух. – Я бы еще заплатил за право убивать красную погань. Мир был чище, когда плохих людей сжигали живьем. Deus Vult!

Это был древний клич крестоносцев.

Его командир на это ничего не ответил. В этот момент снял маску и соседний каратель, который жаловался на низкую зарплату. Этот был тоже похож на русского. А может, он был финн или прибалт – среднего роста, круглолицый с холодным, как у трески, взглядом и светлыми волосами, зачесанными на пробор.

– Предатели, – произнес Макс на английском, а не на русском или испанском, чтобы поняли все из этого международного сброда. – Долбанные марионетки. Тут террористы только...

Несильным ударом каратель-славянин разбил ему нос. А «финн» поднес к шее кинжал с орлом на рукоятке. Похоже настоящий, эсесовский.

– Заткнись ты, шавка краснопузая, – рязанский, а может, воронежский каратель подошел еще ближе, Рихтер почувствовал запах лука, исходивший от него. – Сотник Ярополк десять тысяч верст пролетел не для того, чтобы с вами болтать, а чтобы вам глотки резать. Прочти слова на его ноже.

– «Моя честь зовется верностью», – Рихтер попытался вложить в голос все презрение.

– Точно, собака. И сейчас он перережет тебе глотку.

– Да какая у вас честь? Год назад ваши были против Совета, забыл? И Авангард поддерживали.

– Не поддерживали. Просто год назад мы думали, что вы за то же, что и мы. За старый добрый мир без торгашей. Вы против буржуев, мы – против жидов. А это на сто процентов одно и то же... А вы, оказывается, сионистские лакеи. Вы дебилы, дауны. Гребаные аутисты. Вас развели как лохов. Там, где ваш унтернационал – там аборт и безбожие, там черные черти белых дев трахают. Мировой Содом мы и сами к ногтю прижмем, когда с вами, демонами, разберемся. Но кровь белой расы уже не очистить, если смешается с кровью... других.

Видимо он хотел сказать «неполноценных», но осекся. Остальные палачи с ехидными смешками наблюдали за этой сценой. Как догадался Макс, они не разделяли взгляды Ярополка, да и процент крови «иных рас» был у многих из них высок.

– В общем, все изменилось, немец, – повторил тот, кто назвался сотником (что соответствовало римскому центуриону), уже более миролюбиво. Будто извиняясь, что придется убивать именно представителя германской расы, – Вы угрожаете тому, что для нас свято. И мы не знали, что ваш лидер... вонючий жид. Думали, честный итальянец, Ванцетти. А он, оказывается, Фишер по паспорту. И дед его иудеем был. Неделю назад в сети всю подноготную выложили.

«Не только расист, но и антисемит», – Макс почувствовал гадливость, будто увидел плевок на стене. Он вырос в эпоху, когда комплекс вины немного стерся из сознания немцев из-за нового великого переселения народов. Но запомнил слова соседа герра Брауна, который говорил, что хуже мигрантов могут быть только антимигранты, потому что их нельзя выслать.

Странно, что наличие в их рядах негра – который направлял на пленных старый, но надежный пулемет «Minimi», – этого Ярополка не напрягало. Да и сам чернокожий, похоже, был не против присутствия в своей команде белого нациста. Видимо, у них было много общего. Нечто такое, что делало неважным цвет кожи.

Все больше карателей снимали маски, и это был знак того, что развязка близка. У некоторых вместо масок и балаклав был холо-камуфляж, и они отключали его по примеру товарищей. – На, послушай наш марш напоследок, – услышал Максим голос бритого. – И отправись к своему жиденку-сифилитику Членину. Его собрание сочинений читать, ха.

«Живыми нас не выпустят», – подумал Макс, и в этот момент Ярополк швырнул ему, как кость, аудиофайл, в котором, страшно фальшивя, он пел хриплым, совсем не оперным басом.

Новое небо над моей головой,
Новый порядок настает мировой...

Но старая правда – почва и кровь —
Над миром зарей восстанут вновь!

– Петр, твою мать! Кончай время тратить на эту падаль! – со злостью прорычал их вожак по-испански. Сказал вслух, хотя мог бы послать закрытый приказ. – И не сыпь файлами, дубина! Тут сейчас будет другая музыка. Отдохнули? Принимайтесь за остальных. Нам еще яму зарывать.

Бритый наголо Ярополк, которого в миру звали Петром, послушно отошел в сторону.

– Ребята, for favor, включите музон обратно, – сказал тучный командир карателей. – Иди, Ретуа, выпотроши нам этого козла.

Тот, который вел стрим, старательно навел свою камеру на щуплого пленного в сером костюме, похожего на адвоката.

«Похожего на авокадо, которое сейчас нарежут дольками», – почему-то подумалось Максусу. Видимо, его психика слегка надломилась, потому что он начал видеть смешное в страшном.

А вот этот тип явно попался случайно. Выглядел абсолютно безобидно с наполовину прикрытой редкими волосами лысиной. За что его сцапали? Сказал «матадорам» про свои права? Наивный дурачок. Если и адвокат, то не из успешных. Иначе бы знал, когда молчать. И что на войне права у того, кто с оружием.

– Жаль, что нельзя выложить. Столько лайков собрал бы, что сразу бы в топ выбрался, – скинхед (Максусу вспомнилось это словечко), присвоивший себе звание центуриона, начал закатывать рукава. Неестественно мускулистые руки были расписаны готическими рунами.

Потом он надел кем-то поданную перчатку из грубой кожи. И Максус увидел, что на ней закреплено лезвие, похожее на хорватский нож-сербосек («серборез») или на коготь какого-то мутанта, порожденного большим воображением. Полоска стали торчала будто из самого ребра ладони.

Дна у бездны не было. Его никогда нет. Особенно в зверствах в отношении беззащитных.

Рядом стояли вождь и тот, кого он про себя окрестил финном. У «финна» был на груди меняющий цвет значок в форме земного шара. «Миротворческий альянс». Максус вспомнил Эшли, у которой тоже был такой, хотя она его и не носила. И вряд ли ей здесь понравилось бы. На самом деле это был фан-клуб и кадровый резерв Корпуса мира. Всемирный союз лоялистов. Значки были именные и простые – сувениры, которые может купить каждый. Но у этого был именной.

Еще чуть дальше застыл, как статуя, боец в экзоскелете, похожем на погрузчик из фильма «Чужой». Гражданская модель, не военная, но старый американский пулемет калибра 7.62 на него навесили.

Человек, похожий на адвоката, ожидал смертельного удара, а скинхед с издевательской усмешкой делал пробные замахи, примеряясь, как лучше его резать. Два раза нож прошел совсем близко от шеи, задев воротник. Толстяк-каудильо недовольно заворчал, явно теряя терпение.

«Да кончай ты его уже!» – послал он команду.

Но вдруг сквозь свист стали Максим услышал тихий шелест шин. С севера – судя по компасу, который все еще был доступен, – подъехал электромобиль – черный корейский минивэн, из дорогих, но не новый.

«Матадоры» заметили гостей одновременно с ним, но никак не раньше, потому что повернули головы только в тот момент, когда машина проехала через ворота запущенного земельного участка. Один из беспилотников тоже развернулся в ее сторону.

Из фургона вышли трое. Один был в камуфляжной форме Корпуса мира пустынной расцветки и в берете. Лет сорока, круглолицый, с лысиной и мясистым лицом, украшенным тара-

каньими усами. Именно так Макс себе представлял средний офицерский состав мексиканской полиции. А вот двое в гражданском внешность имели более примечательную, как у кинозвезд или светских бездельников. И на них были темно-синие длинные плащи, совсем не по здешней погоде.

– Что такое, сеньоры? – спросил командующий «матадоров», поворачиваясь к ним. – Мы почти закончили.

– Планы изменились, – офицер в берете поднял руку.

– Что, простите? – бывший мясник поднес палец к уху, словно не понял. Или будто забахлил его сенсор.

И вдруг он начал падать с обиженным и непонимающим выражением лица. Макс с трудом разглядел в руке офицера призрачный, едва различимый пистолет. Выстрел был почти неслышен. Он вначале принял его за покашливание.

Несколько карателей застыли. Взгляды у них были такие растерянные, что Макс подумал – да они же ослепли! Или видят не то, что перед глазами.

– Что за херня? – Петр-Ярополк отшатнулся от распростертого пленного, тряся в воздухе своей перчаткой. Выражение лица у него было глупее не придумаешь. Он надавливал пальцем свободной руки на глазные яблоки.

– Куда все делось? – вслед за ним произнес еще один из карателей.

Люди в плащах вдруг развернулись. И в руках у них уже были короткоствольные пистолеты-пулеметы. А в следующий миг двоица почти исчезла из вида – настолько быстро они перемещались.

«ПАРНИ, ЛОЖИТЕСЬ!» – ударил Рихтеру по ушам приказ, пришедший изнутри головы. Судя по всему, остальные пленные тоже его получили. А кто не получил – последовали общему примеру: попадали как подстреленные рядом с канавой. Некоторые прыгнули в нее, прямо на мертвых, не разбирая. Потому что на запущенном огороде разверзся ад. Но это уже был ад для «матадоров».

Браслеты! Уже летя на землю, сгруппировавшись, Максим понял, что те больше не держат, и руки-ноги свободны. Еще он заметил, как падают и с грохотом разбиваются о землю оба дрона, которые были в его поле зрения. Про остальное он не думал.

Зато он видел, как удивление на лицах чернорубашечников сменилось ужасом. Но ненадолго – настолько быстро пришла к ним смерть. Два шестидесятизарядных ПП «Ливень», которые Рихтер помнил еще по Корпусу, в руках людей в плащах просто смели всех, кто стоял в полный рост, в ту самую канаву. Пули разрывали плоть, как бумагу. Они были разрывные, против незащищенных целей.

Сами стрелки двигались так быстро, что за ними было трудно уследить, будто они растекались в пространстве. Стрелял и офицер, кем бы он ни был, – из пистолета, но очень быстро. Сам он тоже на месте не стоял, и Рихтер даже не пытался уследить за движением его силуэта. Надо было думать о спасении своей жизни.

Макс успел увидеть, как вытаращил глаза сотник-скинхед, когда пуля попала в его бритую голову, на которой хорошо смотрелся бы круг мишени. Увидел вылетевший фонтанчик крови и осколков черепа. Пуля, похоже, была «умная» и корректировала свое направление в полете.

Только несколько из «матадоров» успели взяться за оружие. Двое в бронежилетах проявили неожиданную прыть, схватились за автоматы, но их зацепило потоком пуль. Оба упали, еще живые, но выстрелить уже не смогли. Сразу несколько пуль попали им в головы, вышибая мозги на траву.

Макс увидел, как «финн» выполнил длинный пируэт и укрылся за железной ванной. Но тут же на него перевел огонь лже-офицер, пистолет у которого был рельсовый, фирмы «Эдисон», и пробивал броню и толстый металл. В стенке ванны образовались одна за дру-

гой несколько дырок, в которые струйками потекла кровь спрятавшегося за ней человека. Тот успел всего несколько раз выстрелить навскидку, прежде чем упокоиться навсегда.

Все это от начала до конца заняло около десяти секунд.

Каратель в «скелете» еще разворачивался, улучшенный слух донес шум работы сервомоторов и гидравлики. Он уже наводил на троицу свой пулемет, когда получил длинную очередь. От его грудной пластины девятимиллиметровые пули «Ливня» просто отскакивали. А вот в районе живота несколько пуль попали в самодельную пластину из крашеного железа, а может, из жести или алюминия, оставляя огромные дыры. «Скелет» задержался, и прицел его пулемета, закрепленного на правой руке, был сбит. Ствол задрался в небо, и пулемет начал стрелять по облакам. А в это время несколько пуль попало гиганту в область шеи, и даже нельзя сказать, какая из них стала фатальной. Железный монстр застыл, откуда-то потекла бесцветная жидкость, но это была не кровь, а вода из гидравлической системы. Крови тоже накапало, но немного. Он еще стоял, только руки, широкие как базуки, безвольно повисли. Закрепленный на одной из них пулемет уткнулся в землю, замолчав еще раньше. Через несколько мгновений «скелет» тяжело рухнул в траву, прямо на бывшие грядки.

За считанные секунды «матadors» перебили как кур в загоне.

Офицер и «плащи» спокойно подошли ближе и сделали несколько выстрелов, которые Рихтер определил как контрольные. После этого в живых остался только один из карателей. Фюрер-каудильо. Макс видел его показатели через приложение «врача скорой помощи».

– Я тебе брюхо прострелил? Ну, извини, друг, – фальшивый, как стало ясно, офицер Корпуса усмехнулся и без колебаний выстрелил в голову лежащему, который отрывал рот как рыба и пытался отползти. – Вот так лучше... Закурить не найдется, ребятки?

Обращался он уже к спасенным от смерти.

Тут же фигура «офицера» начала размываться, изображение заколебалось... и через секунду на его месте стоял совсем другой человек. На военного или копа не похожий, а напоминающий заурядной внешностью автомеханика или обитателя гетто. Среднего роста, нестарый, коротко стриженный, смуглый, сухощавый. В ухе серьга, подбородок выбрит до синевы, усы под носом совсем другие, символические. Тут они, похоже, были снова в моде.

И даже одежда на нем изменилась.

– Chingado... Дерьмо... Заряд сел.

– Не переживай, Сильвио. Твое лицо и так каждая собака знает, – произнес один из мужчин в плащах.

«На хрена они вообще так вырядились?... Вечерами прохладно, но не настолько. Хотя, конечно, в плащах может быть климатизация, – подумал Максим, приподнимаясь с земли. Он упал грамотно и ничего себе не отшиб. – Зато можно скрыть и броник, и кобуру».

У первого из двоицы были черные очки и прическа «конский хвост». Ухоженные волосы диссонировали с резкими чертами, совсем не женоподобными. У второго была лысина, округлое лицо и трехдневная щетина. И сам он был плотного телосложения.

Руки обоих скрывали черные перчатки, так что их национальность нельзя было угадать даже приблизительно. Может, латинских кровей, а может, из южной Европы.

Про самого Рихтера коллеги-партизаны не раз говорили, что он не выделяется из толпы: «Ты же не блондин, а чернявый. Загоришь и сойдешь за местного. Есть и такие мексиканцы». Вообще-то он был темно-русый. Но так и вышло, на улицах он почти не выделялся.

Внешность их тоже была обычной средиземноморской. Макс попытался определить национальность сканером. Обычно работало, хотя и не со всеми этносами. Давало не гарантию, а вероятности. И обычно самая высокая оказывалась верным вариантом. Он проверял со знакомыми – у 8 из 10 все было угадано точно. Представители некоторых народностей обижались.

Но на этот раз не вышло ничего. Похоже, они были окружены полем, которое вносило помехи в любые системы распознавания. Программа засбоила и зависла.

А их шмотки... Макс вспомнил название. Это был «плащ бегущего». Он же «кибер-плащ». С высоким воротником, в поднятом виде закрывавшим лицо, с магнитной застежкой, но без подкладки. Выглядел, как одежда героев книг Филиппа Дика. Но кто эти книги читал? Да никто, кроме ретроманов. А вот фильмы с эстетикой «киберпанка» видели многие, а в игры и вирки играло и того больше народу.

Модельеры популяризовали эти плащи в коллекции 2042 года, в сочетании с черными очками, стилизованными под VR-очки. Тогда на подиумах высокой моды мужчины в таких плащах (и в меньшей степени – женщины, а также лица с промежуточным гендером и не определившиеся с оным) заменили обычных для мира haute couture существ в светящихся стрингах, шотландских килтах и африканских бурнусах.

«Господи, почему эту хрень я вспоминаю в такой момент?» – подумал Макс, вставая и отряхиваясь.

– Дурья твоя башка, Паблито. Я говорил – мочить «скелета» первым! Из «рельсы». Он мог наделать дел, – человек с роскошной шевелюрой повернулся к напарнику.

– У меня все было под контролем, Пабло, – ответил лысый. – Я знал, что его снимет Сильвио.

Они оба перевели взгляд на человека в форме офицера.

– А я знал, куда стрелять, амигос, – ответил лже-офицер, забрасывая в рот пластинку бабл-гама. – Брат работал на заводе, где такие железяки собирали. Это же «Мул», а не «Мастодонт». Дешевка.

«Мул»? Макс знал такой экзоскелет. Бычья сила, но защита только от производственных травм. Зато можно свернуть руками, как блинчик, канализационный люк. Несмотря на мирную направленность, иногда применяется как бюджетный вариант боевого силового костюма. Иногда привариваются нештатные бронеплиты. Но здесь обошлись пластиной из легкого металла. Есть видео, как из «Мула» стреляют, держа на весу тяжелую авиапушку. Генератор достаточно мощный, чтобы питать вращающийся блок стволов.

Недавние пленные только приходили в себя. Осторожно поднимались, отряхивались от сора, ощупывали синяки и раны. Они еще не могли поверить, что смерть миновала.

– А ну поднимайтесь, красны девицы! – поторопил их резким окриком тот, кого звали Сильвио, продолжая жевать жвачку. – У нас полно работы. Кидайте удобрение в яму. Да, я про жмуров.

Макс и его уцелевший товарищ принялись помогать остальным выполнять эту просьбу. Или приказ?

Оружие складывали в две кучки: отдельно «энергию» и отдельно «порох».

Покойников было двенадцать. Среди мертвых карателей в пропитанной кровью черной «эсэсовской» форме затесались двое в сером пятнистом городском камуфляже. Из огнестрельного оружия у них был FN-FAL, сто двадцатый «Калашников», пулемет, принадлежавший негру, одна M-16 и одна AR-15. Последние внешне похожи. Остальное – «энергия», разные модели рельсовых винтовок от «Эдисона». Но все это хайтековское оружие бесполезно, подумал Макс.

– Кто вы такие? – спросил Максим, осмелев. – Мы с Раулем бойцы «Авангарда». От команданте Ортеги. Остальные не при делах, попались случайно. А вы кто? Подпольщики? Или силы безопасности, которые перешли на сторону народа?

– Просто люди, – туманно ответил «конский хвост», которого звали Пабло. – Сильвио, мы можем рассказать ему?

Фальшивый офицер кивнул. Казалось, он погружен в себя, но Макс догадался, что он или изучает карты, или прослушивает что-то, или ведет переговоры.

Эти двое говорили на испанском без акцента. Но выговор у них был не мексиканский.

– Вообще-то мы из Колумбии, – флегматично пояснил второй, крупнотельный, и, увидев на их лицах недоверие, добавил: – Нас сюда перевели недавно, на стажировку. А раньше мы были «чистильщиками» в Боготе.

– Мафия?

– Да какая к чертям мафия? Полиция. Когда суды не справлялись – чистили столицу, Боготу, от барыг, а заодно от воришек, бомжей, нелегалов, педиков, проституток...

– А проституток-то за что? – не сдержался один из хулиганов, таскавших окровавленных мертвецов за ноги. По остальным категориям возражений у него не возникло.

Все это звучало дико. Но Рихтер подумал, что если бы его хотели обмануть, придумали бы что-то более удобное. И он слышал, что ультраправые правительства южного материка поощряют упрощенное правосудие, но не знал, что это делается так явно.

– Ну... мы подходили к работе избирательно, – отвечая им, лысый Паблито открыл дверцу машины и начал копаться в салоне. Широкая спина мешала увидеть, что он делает, но Максим разглядел внутри какое-то устройство, похожее на баллоны с проводами. – Мы давно поняли, кто настоящий враг. Те, которые сидят в этих башнях и ночуют в районах за высокими заборами. А этих пропавших людей мы жалели. Но жить-то надо? У нас тоже семьи. И вот вчера нам выдали гауссовки и приказали стрелять на поражение по толпе.

Многие называли этим словом рейлганы или рельсовые винтовки, но это было неправильно. Просто когда-то умельцы действительно пытались сделать ускорительное оружие, основываясь на принципе Гаусса, а одна старая игра обессмертила это название.

– Так вы с разрешением на убийство? – переспросил Максим.

– Ну ты и фантазер. Ретро обсмотрелся? Раньше чистка была неофициальная. А когда началось ЧП, нам дали право действовать в критической ситуации, исходя из приоритетов, – нетерпеливо объяснил «конский хвост». Речь у него была грамотная и ясная. – Но мы решили, что наш приоритет – служба народу, а не кучке жирных котов. И многие наши коллеги тоже так поступили. Есть, конечно, и твари. Но мы с ними разберемся.

Лысый закончил свои манипуляции с машиной и отошел в сторону, вытирая руки.

– Хватит! Потом потрындим! – отрезал тот, кто выдавал себя за офицера. – Значит, так, салаги. Меня зовут субкоманданте Сильвио Хименес. Я Нефтяник.

Макс смотрел на него, слегка остолбенев. Тот самый Нефтяник! Нет, этот человек был настоящим офицером. Но офицером Революционной армии. Первым, которого Максим увидел вживую, не считая Ортеги. И он тоже был из Второй интербригады. Еще была Первая, но она действовал где-то на севере, вдоль Рио-Гранде. Важная фигура.

– Итак! Внимание всем! – зычным голосом объявил Сильвио, который явно был старшим из троих. – Кто не готов воевать за свободу – прячьтесь под юбки к своим телкам! Вас никто не осудит.

Несколько парней переглянулись – видимо, предложение было заманчивым в сравнении с риском поймать пулю в этой мясорубке... но, видя, что никто не спешит показать спину, ни один не ушел. Особенности южного менталитета. Поодиночке можно струсить, а на миру и смерть красна. Это не Европа.

– Хорошо, hermanos! – он называл их «братишками». – Вооружайтесь. Не берите энергопушки! Они заблокированы по отпечаткам, и телеметрия уже передана на спутник. Возьмите «порох». Эти чистые, потому что неуставные. Они ими владели не очень легально. Мы проверили, жучков нет. Нет, броники не снимайте с этих кабанов! Они тяжелые, а нам бежать.

Через пять минут все, кто уцелел в боине, представляли собой уже не беспомощных жертв, а вооруженный, хоть и довольно бестолковый отряд. Даже пулемет чернокожего, лежащего в канаве вместе с коллегами, белыми и метисами, – нашел место в их арсенале.

– Так, время – деньги! Надо уходить. А то дождемся дронов, опергруппы, а то и удара с неба. Видите агрегат, новенькие? – лысый агент в плаще (кажется, его звали Пабло... или

Паблито?) достал из кармана вещь, похожую на древний КПК. – Он активирует... ну... как вам по-простому разъяснить? Подавляющее поле. Пока вы в нем – в радиусе десяти метров от нас – вас невозможно обнаружить визуально с большого расстояния. Вы видны только вблизи. И электромагнитно тоже прикрыты. Но если выйдете за этот волшебный круг, амигос, то сразу умрете. Вас увидит любая оптика. В том числе из космоса. Пойдем пешком, тут недалеко. Главное, не отставайте. Мы знаем короткую дорогу.

И они побежали. А корейский минивэн между тем тронулся с места и поехал в противоположном направлении. Водительское сиденье было пустым.

Через десять минут они перешли на шаг, петляя по кустам и заброшенным полям, продираясь через заросли акаций и перелезая через полусгнившие заборы и груды битого кирпича, сторонясь обитаемых домов, где горел свет. Здесь, как и в любом регионе периферии, был свой небольшой «ржавый пояс».

В небе пролетел, набирая высоту, тяжелый самолет. При виде его все напряглись, хотя было ясно, что это пассажирский, – или даже, если быть точным, военный транспортник, а не штурмовик. Хотя и он мог иметь пулемет и, может, был способен превратить их в фарш на бреющем полете. Но вряд ли станет снижаться для поиска. Он держал курс на северо-восток, в сторону океана.

А ведь еще вчера самолеты взлетали из аэропорта один за другим. Сегодня же за день это был первый. И целелины давно не летали. С того самого момента, как обстреляли один из них, и тот чудом ушел на посадку.

Надо сказать, темп чужаки задали очень тяжелый. Все, о чем думали новенькие, – как не отстать от этой троицы, в которой все казались двуязычными. Потому что несколько раз над ними проносились, словно вороны, черные дроны. Ни один не заметил и не атаковал их, будто защищенных невидимым куполом.

– Нас придали в помощь карателям из «Pyramid Products». Нас, «матадоров» и местную полицию, – не сбавляя темпа, объяснял «конский хвост». – Но те тоже особо драться не рвутся. Ссут. И при первой возможности дают деру.

– Эх, вот раньше были времена, – кивнул лысый. – Дед рассказывал, что человеку в полицейской форме был почет. А сейчас... крысы трусливые. Боятся патлатых сопляков. Нет, я не про вас. И не про нас. Мы не испугались. Просто паршиво это. Против своего народа воевать. Поэтому, когда получили сообщение от командира, что теперь подчиняемся Народному Городскому Совету, – то с чистой душой обезоружили этих мудаков в черном.

– Копов мы стараемся не убивать, – объяснил его напарник. – Они, как и шлюхи, стране еще нужны будут. А вот этих добровольцев, тореадоров или как их там... валим как бешеных собак.

Сильвио вдруг прислушался к звукам вечернего леса – или своего передатчика? – и посмотрел на наручные часы, проступившие на его запястье.

Максу показалось, что он услышал где-то далеко эхо взрыва. Худощавый партизан расхохотался, запрокинув голову, похожий в этот момент на пирата Карибского моря:

– Наша машина погибла смертью храбрых. Зря свиньи попытались остановить ее кордоном, лучше бы с воздуха расстреляли. Но она купила нам время. Скорее!

Видимо, в дистанционно управляемой машине была бомба. «А ведь то, что мог пострадать кто-то случайный, его совсем не тревожит», – пришла гаденькая мыслишка, но Макс прогнал ее от себя. Идет война, а в ней бывает collateral damage.

У этого типа явно была харизма, хотя Макс и не очень доверял таким народным вожакам. Может, потому, что успел против них повоевать.

Через пять минут в сером небе, которое заволакивали тучи, пронесся силуэт. Они сначала приняли его за ястреба, но никакие птицы такую скорость развивать не могут.

Дрон вдруг снизил скорость и пошел более плавно. По планируемому полету Максим узнал эту модель. «Eye-in-the-sky». Старший брат дрона «Волшебный глаз», чье название можно перевести как «Небесный глаз». Но более точным переводом будет словосочетание «Всевидящее око». Замедлял ход аппарат для того, чтобы провести детальную аэрофотосъемку местности.

– Сейчас я эту тварь сниму, – из кармана своего свободного, безразмерного плаща агент с «конским хвостом» извлек небольшой пистолет, похожий на антенну с рукоятью.

– Не стреляй, – остановил его второй. – Он нас не видит. А если уничтожим – сразу себя выдадим.

Покружив пару минут над ними, дрон улетел на восток, и больше они его не видели.

Они бежали на юг. Город закончился внезапно. Сразу за предместьями потянулась настоящая саванна. Или тут это зовется «пампасы»?

Они свернули со старой асфальтированной дороги на грунтовку. Их проводник явно знал, куда идти. Рихтер мог бы решить, что тот спятил, – ведь он вел их туда, где не было ничего, кроме прекрасного пейзажа отдаленных гор. Вот только Максим знал, что таких гор поблизости от Канкуна нет.

И вскоре они, словно в сказке про Буратино, прошли сквозь стену миража (ощутив слабое покалывание) и вышли по другую его сторону.

Под ногами была такая же трава, и тот же кустарник шумел вокруг. Но девственную красоту природы нарушали нагромождения автомобилей, старых телевизоров, компьютеров и другого железного хлама. Эти горы не тянулись до горизонта, как в небогатых, но огромных мегаполисах типа Лагоса, которые вообще не могли себе позволить переработку мусора, и свалки превращались там в целые микросообщества.

А этот штат был не настолько густо заселен, и часть мусора явно перерабатывалась. Навскидку Максим оценил площадь райончика в десяток квадратных километров. Ни в одном путеводителе для туристов его не было, и понятно почему.

Огибая настоящую стену из поставленных одна на другую машин – некоторые были раритетами из двадцатого века, вытесненными на обочину жизни, когда цена бензина превысила цену зарядки, – они вышли к месту, по сравнению с которым предыдущая глушь была просто парижским Лувром.

Д-реальность о его существовании просто не знала, определяя только отдельные элементы вроде растений и камней. Да еще иногда жизнерадостно предлагала купить новый «Мерседес» или «Форд» при взгляде на скелеты полуразобранных автомобилей. Про все остальное говорила – «нет данных» или «неизвестно». Улиц тут не было, номеров у домов не имелось, как и дорожной разметки. И дорожных знаков тоже. Не было и фонарей. Зато чадили несколько бочек, в которых горел мусор.

Нормального уличного движения заметно не было. Автомобилей они не заметили, кроме двух, оба были старые полноприводные джипы. Зато проезжали мотоциклы, даже парочка грузовых, которые Рихтер видел в Азии, где их использовали моторикши. Мотоциклы были старые, тархтящие – колеса со спицами, без моторов внутри обода. На некоторых из них были явно не электрические двигатели. Конечно, бензин дорог, но его заменители стоят подешевле. Плюс топливо можно было гнать самому из отходов... или воровать у тех, кто гнал.

Беглецы сбавили шаг и теперь шли колонной, не обращая внимания на проезжающих и редких прохожих. Конечно, шли не с оружием в руках. Для автоматов нашлись несколько спортивных сумок. Встречным как будто бы тоже не было до них дела, несмотря на раны, синяки и порванную одежду (кровь с лиц они как смогли оттерли). Секундный взгляд – и всё, разминувшись. Наверное, нет ничего удивительного в том, что плохо одетым лоточникам, поденным рабочим и тем, кого статистика называла «неквалифицированные работники сферы услуг», а также их замотанным женам с сумками было важнее вернуться побыстрее домой

в этот вечер. А не разглядывать группу подозрительных и опасно выглядящих незнакомцев, покрытых свежими ранами и с баулами в руках.

Тут не было мегафабрик, где можно не встретить ни одного человека, даже если бродить по цехам целый час. Но туристический Канкун мог даже в кризис занять много рабочих рук, правда, в основном работой на невзыскательный вкус. Минусом было то, что нормальное жилье стоило тут зверски дорого, как и аренда. И все это было еще до кризиса и войны, которая усугубила все проблемы в разы.

Темнело быстро.

В куче хлама в овраге, с которой Максим спугнул большого черного кота с порванным ухом (паршивец, видимо, почувствовал взгляд, пронзающий темноту почти как его собственный), лежали артефакты компьютерного прошлого, по которым можно было изучать историю. Корпуса системных блоков – некоторым было минимум полвека, – мониторы, телевизоры, наушники, чьи запутанные провода напоминали червей. Старые проигрыватели дисков, названия которых давно забылись. VR-очки. Все это было поломанным, но не разобранным по винтику в поисках ценных элементов, как сделали бы в Африке или Индии. Значит, крайней нищеты тут не было, а может, было больше лени, чтобы не заморачиваться копеечной добычей. Тут же окислялись под жарким солнцем и разбитые роботы. Эти уже были выпотрошены более основательно. У одного были женские ноги, облезшие и выцветшие.

Дорога пошла вниз под уклон.

На крышах хибар, стоящих в низине, тут и там виднелись панели, похожие на соты. Их тут закрывали решетками и сетчатыми щитами, хотя это и приводило к потерям мощности. Зато камнем не разобьют. А вот ветряков не было. Только на нескольких домах, которые выделялись богатством и кичливой цыганской роскошью и были обнесены трехметровыми заборами. Видимо, лопасти часто вандалили и их могли позволить себе только местные криминальные лорды. А солнечники сделать ударопрочными проще.

И все же у этих лордов было что-то вроде патриотизма в душе, если остались жить там, где родились, а не переехали в добропорядочные комьюнити. Ведь вполне могли. Отделка одного из особняков навскидку стоила не меньше полумиллиона глобо.

Беглецы обошли их на большом расстоянии.

Району этому было уже лет двадцать, как сказал один из канкунцев, поэтому тут вполне могло вырасти целое поколение, кто-то, может, выбился в люди и уехал. Но большинство остались здесь, где вершиной карьеры был мафиозный дон.

В остальном можно было подумать, что на дворе двадцатый век, в Чили правит Пиночет, а в Аргентине – хунта. Впрочем, «камарилья» из Мехико, по расхожему мнению, была как раз таки хунтой.

На небе можно было рассмотреть все богатство южных созвездий. Здесь этому не мешало световое загрязнение. Электричество тут экономили. Максим нашел Полярную звезду, гораздо ниже над горизонтом, чем привык ее видеть.

Несмотря на темноту, им все равно попадались дети, и никакой ювенальной юстиции до них не было дела. Чумазные пацаны, среди которых были минимум две девчонки, такие же коротко стриженные, дрались на палках и бегали туда-сюда в пыли, как стая кур. Один, самый маленький, таскал за собой поломанного японского робота-пса, у которого не хватало лапы, а двигались только мордочка и глаза. Максим сначала принял собаку за живую и поежился.

Молодежи по пути им встречалось больше, чем взрослых. Демографический переход властен над всеми, и, конечно, вряд ли в семьях тут было больше трех-четырех детей. Но не сравнить со «старыми» странами Запада, где было от силы полтора. Тут Рихтер поправил себя – Севера. С географической точки зрения это место было настоящим западом. А вот с культурной... в остальных районах Запад точно был, но не в этом. Впрочем, в таких местах – а Максим посетил их много – была и своя прелесть... хотя жить тут он вряд ли захотел бы. Его временами

умиляла, но чаще раздражала простота и непосредственность. Где-то в мешанине улочек, в одном из дворов, скрытом растительностью, смеялись в голос и пели развеселую песню. Звучала гитара... испанская, Рихтер когда-то учился на такой играть. Люди веселились. Похоже, тут это случалось чаще, чем в «чистой» части города.

Но было еще слабо давящее чувство, что за тобой наблюдают... Рихтер презирал людей, которые верят в мистику, но доверял своей интуиции, то есть бессознательной работе запасного процессора.

Нет, все чисто. Наблюдают, но обычные люди, причем непрофессионалы. Обычные местные. Ничего общего с тем ощущением, которое не покидало его в последний месяц в Британии и Северной Америке, не ослабело на Ямайке и было с ним всю дорогу сюда. А так ли уж случайна была встреча с «матадорами», черт возьми?

«Случайна. Иначе я был бы уже мертв».

Их проводила взглядом подозрительная компания, подпирающая стены старой хибары из чего-то похожего на фанеру... видимо, подпирали, чтобы та не разрушилась от ветхости. Многие из них были метисы. Характерная индейская форма черепа, большие носы и близко посаженные глаза. У троих были золотые амулеты со знаком глобо и широкие рэперские штаны. А еще к ним каким-то образом просочилась славянская мода сидеть на корточках. Наверно, из сетевых мемов. А может, независимо возникла.

Они курили что-то и жевали жвачку. Среди них возвышался чернокожий здоровяк в блестящей куртке из материала, похожего на атлас, и таких же штанах, с узором из арабской вязи на спине. Похоже, борец или боксер, вон как разминает кулаки.

Сломанный и криво сросшийся нос, расплющенное ухо, старые шрамы на лице, во рту имитация железных зубов. Может, он и добрый человек, но связываться с ним не хотелось, и дело не в расовых предрассудках. Силовые виды искусства тут были популярнее квантовой физики. И здесь легко поверить в сорок процентов безработных. Может, занятия у этих людей были, вот только специфические. На коробке от сублимированной лапши лежало мачете, хотя никакой сахарный тростник поблизости не выращивают.

Максим вспомнил, как в Лос-Анджелесе в районе Санта-Моники на них с Эшли напали грабители. Ему тогда пришлось применить пару приемов, усвоенных на курсе боевой подготовки. Но тут этих грабителей самих бы раздели до нитки. И будь он обычным гражданином, он никогда не пошел бы в такое место ночью.

Но со свойственным всем хищникам инстинктом самосохранения, компания у лачуги даже не попыталась к ним приблизиться. Несколько быстрых взглядов в их сторону, только и всего. Поняли, что есть на свете и поопаснее, чем они.

Где-то далеко, наполовину скрытые корявыми постройками, терялись в дымке огни туристического кластера. Далекое, как небесные созвездия или другие галактики.

Впереди расстился лабиринт кривых, непонятно куда уводящих улочек. И никакие миражи грязь и разруху тут не маскировали. На бумаге этого района не существовало, и земля под самостроем вряд ли находилась в собственности жителей. Поэтому мусорных баков тут не было, и мусор вряд ли вывозился. Органическими отходами кормили живность, все, что могло сгнить, использовали на удобрение. Огороды тут тоже были. Но все, что не могло разложиться, оставалось тут навсегда. Тот мусор, который нельзя было использовать повторно, сваливался в овраги и каверны. Все это Максим уже видел в Африке, но не ожидал увидеть в пафосном туристическом городе. Конечно, в небогатых странах северо-восточной Евразии тоже можно найти подобные трущобы, но там дома покрепче, потому что зимою сдохнешь от холода в таких постройках из жести и досочек. И мусора чуток поменьше.

Посреди улицы развалилась стая облезлых дворняг... а может, и хозяйских собак на свободном выгуле. На капроновых веревках и прямо на спутанных проводах, натянутых между старыми столбами и просто жердями, сушилось белье, похожее по большей части на засти-

ранние тряпки. Рядом с «улицей» дома были еще получше, а дальше от прохода теснились шалаши, обтянутые пленкой, и дикие конструкции из деревянных ящиков и жести, крытые рулонными материалами и старым брезентом.

Где только люди не живут... Впрочем, такая вторичная трущобная урбанизация имела даже в благополучной Франции, в районах, где жили мигранты с других берегов Средиземного моря.

Внутри в некоторых хибарах наверняка не так уж убого. Сделан ремонт, стоят купленные в кредит вещи, иногда недешевые... хотя их и воруют периодически. У многих наверняка были и машины, только хранились они в арендованных гаражах в «чистой» части города, либо, если их нельзя было продать даже на запчасти, просто стояли под открытым небом, Власти с этим, понятное дело, боролись, и такие авто попадали на эту же помойку. А из нее в виде запчастей иногда возвращались на дороги. Вечный круговорот железа в природе. Но в целом внешность часто была обманчива, и обитали в таких местах даже свои миллионеры. Вот только род их занятий часто не стыковался с законом.

Эта прикладная социология позволяла Рихтеру чем-то занять голову, пока ноги были заняты ходьбой, в которой он легко обогнал бы, и по скорости, и по выносливости, всех попутчиков. Кроме, быть может, двойцы в плащах. Эти вообще не знали усталости.

Чем дальше на юг от города, тем более дикой становилась местность. Вместо домов уже то и дело попадались палатки, возле одной горел костер и сидел кто-то, накрывшийся пончо и слегка раскачивающийся, как метроном. Возле другой палатки стояли дамы пониженной социальной ответственности, их породу Максим определять умел, хотя они и были ему неприятны. Разноцветные волосы, сетчатые колготки, на ногтях узоры... но лица человеческие, а не кукольные, фигуры женские, а не силиконовые. Одна как раз набирала из колонки воду в пластиковое ведро, ее товарки курили и прокуренными голосами со смехом что-то или кого-то обсуждали. Дефицита воды в Мексике пока не было, в туристической части города из кранов она шла идеально чистой, но в таких местах пить ее без обеззараживания было одним из способов самоубийства.

Наконец, переулочек закончился тупиком. Несколько домов, сколоченных из потемневших досок и обшитых рейками, – пародия на «одноэтажную Америку» – стояли по одну сторону. Здесь они шли за престижное жилье. Четверка хмурых мужчин сидела за столом на пластиковых стульях и играла в какую-то настольную игру. Детей тут не было.

– Это фавелы? – спросил Максим.

– Запомни, Alemán, – полушепотом произнес Сильвио. – Фавелы в Бразилии. В Мексике, как и в моей Венесуэле, есть барриос, но это не оно. Это просто лагерь. El campamento. Имени героя-революционера Эмилиана Сапаты.

– Кто тут живет? Бездомные?

– Бомжей тут тоже нет, друг-немец, – вопреки вежливому обращению, голос Хименеса стал колючим. – Тут не какая-нибудь Англия. Любой, кто живет под небом, имеет дом. А в этом лагере живут сортировщики мусора... и другие вольные люди.

Макс кивнул. Ему уже надоело, что его называют немцем, ему чудилась в этом неприязнь. Хотя он называл им свое имя. Еще больше надоело, что его отчитывают как мальчишку. Но он давно понял, что народ тут обидчивый и за свою землю может глотку порвать. А ведь Хименес был даже не мексиканец, он заступался за страну дальних соседей! Разве что общих с ним корней. Ясно, что гадостей от чужака не потерпят, даже если сами могут ругать на чем свет стоит. И поэзии тоже не чужды. «Каждый под небом...». Надо запомнить.

Нет, конечно, жизнь тут не мёд. Но есть задницы мира и похуже. Уж Макс-то это знал. Все части бывшей Нигерии, Сьерра-Леоне, Либерия, Эфиопия, Бангладеш. Аравия, кроме оазисов. Бывшие курортные острова, которые после истощения биосферы были вынуждены освоить

бизнес по разборке ржавых кораблей. Да даже в Лиме, Каракасе и Боготе были трущобы куда страшнее.

Из-за забора зарычала собака в шипастом ошейнике. Хорошо, что на привязи, потому что челюсти, как у крокодила. Похожа на питбуля, но, видимо, помесь с дворнягой. Скорее всего, никакой генной инженерии, чистая уличная вязка и естественный отбор. Бойцовых собак тут любили даже больше, чем бойцовых петухов, парочку которых Макс, кстати, тоже заметил на соседнем участке за проволочной загородкой. Там, нахохлившись, сидели мощные голенастые твари с плотно прилегающими к телу перьями. А вот тут уже не обошлось без лабораторного вмешательства. Ни дать ни взять – маленькие страусы или велоцирапторы. Такой шпорой можно распороть живот даже борцу сумо. Когда он проходил мимо, существа встрепенулись, захлопали крыльями и проводили его налитыми кровью глазками. Надо же. А ведь любые бои животных во всем мире под запретом.

На стене из рифленого железа переливалось разноцветное граффити. Тоже с незабываемым колоритом. Какой-то бог из пантеона ацтеков, по виду весельчак и пьяница, заливал в себя что-то из глиняного кувшина, одновременно обнимая женщину, скорее всего смертную, судя по испуганному лицу. Тут же воинственный Че Гевара с сигарой и автоматом, смуглокожий Иисус-пастырь с посохом и Смерть с косой. Четыре властителя разных сторон краткой и тяжелой человеческой жизни.

Другая картина, нарисованная очень тщательно обычной краской, изображала робота Бендера из мультфильма «Футурама», в голову которого был воткнут украшенный перьями каменный топор. Точнее, не просто каменный, а из черного обсидиана. Видно было, что свободного времени тут у людей хватает, потому что фактура камня была выписана очень натурально, с бликами и трещинами.

Трансконтинентальный морской контейнер использовался под жилье, и кто-то там внутри хорошо проводил время – раздавались хохот, восторженные крики и сочная испанская матерщина. Из допотопной колонки на столбе доносились звуки веселенькой этнической музыки, скорее всего, на хинди.

И вот тут оказалось, что никакого тупика впереди нет, а есть проход дальше. Просто ворота, открывшиеся перед ними, трудно было отличить от куска стены.

Полноватая мулатка, довольно миловидная, если бы не одевалась так аляповато – серебристые микрошорты, леопардовый топ – появилась из ниоткуда. Она сначала бросилась Сильвио на шею и смачно поцеловала его. Парочка обменялась серией острот, которые заставили бы моралистов заткнуть уши. Потом женщина дала Хименесу канистру воды и полотенце. Партизан осушил кружку воды и знаком приказал новоприбывшим следовать за собой.

– Ну, вот мы и пришли!

Четверо игроков в настолку (похоже, это были шахматы) проводили их внимательными взглядами, как и старик в пончо из палатки. Но, заметив Сильвио, сразу потеряли к ним интерес и вернулись к прежним делам.

– Можете не липнуть ко мне, как индюшата к мамке, – сказал Сильвио. – Тут действует наша глушилка, и мой коммуникатор не нужен.

«Видимо, город еще в руках врага, если приходится отсиживаться в таком клоповнике и глушить все сигналы», – подумал Макс.

Сильвио Хименес, который больше маскировочный прибор не включал, вернувшись к своему худощавому грубому лицу, так не похожему на маску толстого майора, слегка шлепнул девушку по задку. Но та не побежала заявлять на него в полицию, а зарделась и засмеялась, ответив ему в игривом тоне. Видимо, с его стороны это было привычное ухаживание.

Макс включил на минуту Д-реальность, которая снова работала в полном объеме, и тут же пожалел. В дополненной реальности стены были изрисованы отборной похабщиной. Скелет, танцующий на ниточках, предлагал товар – как живой, так и порошкообразный. И все

это на таком испанском, что Сервантес перевернулся бы в гробу. Тут были пожелания «платить бабки, если хочешь закинуться отборной колумбийской дурью и трахнуть кого-нибудь получше козы». Или валить отсюда к чертовой матери, если не желаешь ни того, ни другого, пока тебя самого не отымели.

Но все это, как вскоре оказалось, была маскировка. Тут был не притон, и никаких шлюх и наркоторговцев не было. А были самые настоящие подпольщики. Хотя они и не приветствовали друг друга фразой «Земля будет свободна!», а выглядели как бродяги и обитатели дна. Но здесь беглецы, до того чувствовавшие себя загнанными зверями, впервые ощутили себя в безопасности.

Налетал свежий ветер, воздух был сырой и слышался отдаленный галдеж чаек. Макс знал, что эти создания иногда очень громко кричат по ночам. Все говорило о том, что не так далеко к востоку находится море.

Пахло репеллентом от mosкитов, острым и пряным соусом, а под навесом вокруг костерка, в котором горел разный мусор и валежник, сидели человек десять самых подозрительных типов, каких только могло нарисовать воображение.

Они скалили зубы, смеялись, матерились и лопали из металлических тарелок что-то очень вкусное... хотя, скорее, просто Макс давно ничего не ел, и даже тушенка с консервированными бобами казалась ему райским кушаньем.

Невысокий лысеющий мужчина лет сорока, с голым торсом, в спортивных штанах, с помощью лазерного выжигателя украшал рукоять ножа – не мачете, но тоже зверски выглядящего – подробным изображением голой женщины, в которой Макс узнал одну из звезд китайских виртуальных игр. Она выглядела как сошедший на землю ангел, но реального прототипа у нее не было. Чистый дистиллированный идеал на основе фантазий миллионов мужчин.

– Садитесь, компанерос, – Сильвио указал им на место под большим тентом. – Гаврила! Отложи, блин, свое художество и посмотри новеньких. Кажись, несколькими досталось.

– Да вижу, – ответил тот самый неопрятный мужик с лысиной, откладывая нож. Хрустя суставами, он натянул полосатую майку и надел прибор, похожий на VR-очки.

Вся диагностика заняла у него минут пять, за это время он обошел вокруг кучки раненых, возле некоторых задерживаясь чуть дольше.

– У этого парня сильная аритмия. Последствия электротравмы, – объявлял он то и дело. – И ожог второй степени... А вот у этого повреждения лицевых костей. Так... тут сломана челюсть. А тут травмы хрящевой ткани носа. А у остальных только ушибы, пусть не охают и не прикидываются, слабаки. Этих в медпункт. А остальные пусть гуляют. Добрые попались каратели, обычно бывает жестче. Или они сразу убивали, а не мучили?

– Да, они многих порешили. Но уже никого не убьют, – ответил Сильвио. – Мы для них стали матадорами.

Через мгновение в руке у доктора оказалась штуковина, похожая на шприц-пистолет или большой канцелярский корректор. Он «закрашивал» раны желтоватой полосой – заплаткой из коллагена и фибрина. Хорошая штука. Даже шрамов не останется.

Получив медпомощь, вещевое довольствие и провиант (в котором помимо консервов были и свежие пирожки эмпанадас, чье название подсказала рамка Д-реальности), новички были разведены по разным палаткам и тентам. На лагерь опустилась ночь, но огней почти не зажигали. Только в медицинской палатке горел свет, да пара огоньков по периметру, вдоль такого же «мусорного», как и все тут, забора.

Где-то работал генератор, но не дизельный и не бензиновый.

– А жаль, что Селим не выбрался. Пусть Аллах будет милостив к его душе, – услышал Макс голос рядом с собой, когда уже устраивался в подвешенном на крючках гамаке. Это был Рауль, его уцелевший напарник по тройке ликвидаторов. Он имел, помимо христианского, еще и длинное индейское имя. Такое длинное, что нельзя было поверить, что он обычный

крестьянин-сапатист, а не кастильский аристократ. Впрочем, вряд ли у испанцев из Кастилии бывают индейские имена.

Максим кивнул, но от предложения пожевать лист какого-то растения, который протянул ему товарищ, отказался. Он и сам не заметил, когда немолодой индеец зашел в палатку. Тот курил трубку, едкий дым которой щипал ноздри. Но местные не возражали. «Зато сдохнут все москиты», – шутили они. Кроме них в палатке было еще четверо. Рауль, которого и здесь уже называли Пастухом, успел поделиться с партизанами своим жевательным зельем, и те его зауважали. Но листья коки (если это была она) они заварили в плошках кипятком и пили этот напиток как матэ, а не жевали. А вот трубку он никому не предложил.

– Хорошо ты ответил этому гринго, – похвалил Максима пожилой автохтон.

– Он был не гринго, а русский.

– Какая разница. Все подонки немного гринго. И у них не больше чести, чем у койота.

Выдав эту глубокую философскую мысль, достойную Кастанеды, меднолицый коренной житель этого континента надолго замолчал, втягивая и выпуская дым и наблюдая через ставший прозрачным прямоугольник в стенке палатки за далекими звездами. Птиц не было слышно, но где-то стрекотали сверчки. Или цикады? Рихтер привык к экзотическим краям и их фауне. В последние годы он бывал в таких местах едва ли не чаще, чем в умеренном поясе. Но отличать этих тварей не научился и даже не помнил, кто из них учил жизни Пиноккио в сказке.

«А какая у нас была литература! – вспомнил он бабушку. – „Буратино“ в сто раз лучше „Пиноккио“, „Волшебник Изумрудного города“ на голову выше „Волшебника из страны Оз“, а ихний Доктор Дулиттл с нашим Айболитом рядом не валялся...».

Германская ветвь семьи смотрела на это косо, но помалкивала, зная нрав бабули. Теперь Максим вспоминал и ее, и свое детство в Бремене – тоже городе из сказок, в реальности куда более прозаическом, – как далекий сон. Казалось, прошло целых полвека, так много всего случилось.

Перед сном надо было застегнуть противомоскитную сетку. Самой страшной напастью в этих краях были именно москиты, которые кусали молча, но еще злее северных таежных комаров Евразии. Правда, тут недалеко море, так что их не должно быть слишком много. Но и бродячие муравьи доставляли много хлопот, поэтому не стоило спать на голой земле. Видимо, даже в этом курортном уголке с экологией теперь не все в порядке. Десять лет назад, по словам местных, ничего подобного не было.

Селим – так вот каким было настоящее имя их товарища, который называл себя Сальвадором. Кто он был – араб, турок или курд? Интересно, каково это – поехать на другой конец света воевать, когда у тебя дома тоже жизнь не сахар?

Максим не знал. Сам он уехал от мирной и сытой жизни, проблемы которой – подсчет калорий в еде, выбор банка, чтобы взять кредит, и интерьера для гостиной – казались сейчас смешными. Но не жалел ни о чем.

Уехал от женщины, которая когда-то значила для него много, а потом если и не предала, то показала свое истинное лицо. Хотя, конечно, дело было не в ней. Просто Максим чувствовал, что делает теперь свое самое важное дело. Когда он узнал, что есть в мире уголки, где жизнь похожа на ад, то понял, что не сможет жить иначе, чем сражаясь с этим. И все последние месяцы, пока в нем боролись конформизм и эта тяга, древний призыв бросить все и поехать в военный поход, – казались только подготовительным периодом к настоящей жизни, которая началась теперь.

– А ты чего замолчал, новенький? – спросил бесцеремонный Гаврила. Доктор был старшим по их палатке. – О чем думаешь, Макс?

– Спорю на свои zapatas, про девчонку, которую оставил, – за него ответил молодой разухабистый партизан, которого «матадоры» должны были бы расстрелять следом за ним. Звали

его Диего. Ботинки, на которые он собирался спорить, были обычными шлепанцами-«вьетнамками».

– И что, ждет она тебя? – индеец серьезно посмотрел на Макса из-под редких бровей.

Все остальные повернулись в его сторону и, казалось, затаили дыхание. В темноте, чуть добавив освещения взгляду (сами глаза при этом не светились, как было с более ранними моделями линз), немец увидел их заинтересованные лица.

– Дьявол ее разберет, – Макс уже чувствовал раздражение от местного менталитета. Там, где он жил или работал раньше, никто так не лез в душу.

– Не поминай нечистого, – худой партизан, с которым Макс еще не успел познакомиться, поправил нательный крест. – Если любит, значит ждет. Может, споем? Пожрать теперь дадут только завтра, чем еще заняться, если не пить?

Макс попытался возразить, но уже начали искать гитару. Когда ее не оказалось – командир конфисковал, – кто-то включил запись прямо из чипа в ладони, на манер караоке. И три голоса запели отличными, почти оперными тенорами песню про несчастную любовь. Нет, не пеона к дочери плантатора, а сына одного мафиозного дона к дочери его конкурента. И следующие пять минут пришлось все это терпеть.

Слава богу, когда песня была в самом разгаре, за брезентовой стенкой раздался гневный рык субкоманданте:

– А ну заткнитесь, дармоеды! Петь будете в Канкуне! Если живы останетесь.

Пришлось всем отправиться на боковую.

На душе было беспокойно, и Макс не спалось. Он думал о прошедшем дне и опасностях, которые им угрожали. Они были близко к городу. Он не до конца доверял этому Нефтянику. Вернее, его талантам. Да, харизма у того была на пятерку, но как командиру Макс поставил бы ему тройку с плюсом. Он краем глаза успел увидеть, как расставлены посты, как ведутся другие режимные дела. А велись они плоховато... И уж слишком легко бывших пленников приняли в партизанский лагерь. А ведь то, что их чуть не казнили псы режима, не делает из них автоматически борцов за свободу. Предатели и трусы всегда могут найтись.

Конечно, со своим уставом не лезут в чужой женский монастырь. Он военспец, но пока не командир, даже в своем отряде, а тут и вовсе чужой. Ему доверяют, но не настолько. И он чужак. Бывший враг. Пока не дорос до того, чтобы давать советы.

Хотя, если на той стороне сражаются такие же криворучки, то шанс есть. А так, похоже, дела и обстояли. Странные вещи творились в Канкуне. Почему на улицах почти не было патрулей? Они проехали через два покинутых блокпоста. Такое ощущение, что полиция не особо держалась за город. Почему? И где Корпус? Почему не вмешивается?

К утру явился Сильвио вместе с «чистильщиками». Их было не узнать. Тот, кто помоложе, подстриг свою приметную прическу, а тот, кто постарше, наоборот, обзавелся коротким каштановым «ежиком» волос – возможно, накладкой. Так что оба стали похожи, как близнецы. Свои плащи они сменили на неприметную гражданскую одежду – светлые брюки, рубашки типа гавайских. Теперь они смахивали на туристов, а не на специальных агентов, которые хотят, чтобы все знали об их статусе.

Макс ожидал, что такие же шмотки раздадут всему отряду, чтобы просочиться в город и слиться с толпой, но вместо этого они получили потрепанный зеленый камуфляж, в котором, похоже, кто-то ходил по джунглям, когда самых старших из них еще не было на свете. Это говорило о том, что при штурме города они будут не лазутчиками, а теми, кто пойдет в лобовую атаку.

«Ну что ж. Делай что должен, и будь что будет».

Их построили. Тем, у кого не было трофейных автоматов, раздали новенькие. Несколько человек получили даже энергопушки. Другие, а не те, с места вчерашней заварушки. Если это и были трофеи, кто-то уже успел их взломать и разблокировать. Макс тоже получил пистолет

и рельсовую винтовку. Индеец Рауль – «отбойник», чему радовался как ребенок и повторял, что всегда мечтал разносить гринго на куски. Словом этим он называл даже, скорее, не американцев, а просто плохих людей.

Именно эта детская простота и чистота, граничащая со звериной жестокостью, была той общей чертой, которую Максим видел у девяноста процентов товарищей. Но он, как учили психологи, решил принять их такими как есть.

Одного из вчерашних соседей по автобусу Максим не увидел на построении. Как потом оказалось, его забраковали. Может, он был засланный шпик, которого «матадоры» хотели расстрелять по незнанию. А может, просто ненадежный. Сильвио сказал, что его отправили домой. Эвфемизм?

Было прохладно. Где-то вдали слышались разрывы, похожие на канонаду, хотя незнающий человек принял бы их за гром.

Оказалось, что объединенное командование повстанцев назначило генеральный штурм Канкуна именно на этот день. И их освободили из плена совсем не для того, чтобы они прохлаждались.

Подразделение Ортеги было далеко, и вернуться к ним до окончания боевых действий было нереально. Вместо этого Макс без особых проволочек был переведен в отряд Хименеса. Бойцов его называли просто – «вильисты» (Villistas) – по имени их символа, революционного генерала и героя далекого прошлого. Это были люди, внешне страшные, но добрые и душевные внутри. Которые могли отдать последний паек своему, но пристрелить или прирезать чужого без раздумий.

У человека потоньше знакомство с новыми товарищами вызвало бы культурный шок, но Максим был готов к этому. Раньше среди его друзей и знакомых встречались биотехнологи, геронтологи, специалисты по гендерной этике, робототехники, генные инженеры. А таких людей, как тут в палатке, он видел только в перекрестье прицела. Но на мексиканской земле, еще среди партизан Ортеги, Рихтер почувствовал приобщение к седой древности, когда пожимал одну руку за другой, знакомясь с новыми товарищами.

Здесь народ был еще проще, чем в том отряде. И оказывалось, что перед ним то пастух, то охотник, то рыбак, то поденный рабочий, а то и вовсе сапожник... Руки у многих были мозолистыми и грубыми, как кора дуба. Впрочем, не у всех. У пятерых ладони были мягкие, хоть и не холеные, а ногти обгрызены. Про работу они говорили неопределенное – «там и сям», «время от времени». Было и несколько интеллигентов: учитель, врач, юрист. Но эти, как и он, смотрелись тут белыми воронами. Большинство пришло сюда с самого дна и этого не стеснялось.

С этими людьми в ближайшие недели Максим не раз и не два пройдет огонь и воду. Да и по трубам – хоть и не медным, ползать тоже придется. Вскоре и тот день уже казался сном, только страшным. Война, как выяснилось, только начиналась. И в Канкуне будет еще не один бой и не одна смерть, даже если считать гибель только своих, а врагов не учитывать.

Часть 2

Аутсайдеры

«...помимо роста протестных настроений социально-политического характера в секторах с низким индексом лояльности – во всех секторах наблюдается активизация криминально-террористического подполья и религиозно-политических подрывных элементов...

...среди радикальных организаций можно выделить так называемый „Всемирный Трудовой Авангард“ (World Labor Vanguard), как самое массовое и активно действующее как легальными, так и нелегальными методами левое движение».

Выдержка из аналитического доклада Службы Планетарной Безопасности о глобальных угрозах на 2059 год

«Доводим до сведения наших сотрудников, что время допустимого визуального контакта снижено с 10 секунд до 8 секунд при разногендерном взаимодействии».

Из дополнений к Кодексу внутренней этики компании «Lufthansa-Transatlantik, GMBH», 2040

– Рихтер! Сержант Рихтер! Сюда! – высоченный полицейский с красной повязкой на рукаве, в полном снаряжении, разве что без шлема, махал им рукой, укрывшись за кузовом бронированного джипа. – Да быстрее уже, ползете как черепахи!

Машина называлась «Бульдог», это был приземистый вездеход для специальных служб с модульным кузовом. Проект британский, а собирали их на заводах по всему миру. Имелись модели и на воздушной подушке, и на колесах-гусеницах. Но эта была с обычными шинами и с усиленным бронированием корпуса.

Максим поморщился, и вовсе не от беспардонности. На войне не до политеса. Просто он в очередной раз увидел, что местное разгильдяйство могло дать сто очков вперед даже славянскому. За все время в отряде почти никто не назвал его конспиративной фамилией Браун и позывным el Cazador, но все шпарили – и вслух, и по всем каналам связи – его настоящее имя с фамилией!

Он утешал себя только тем, что, если бы кто-то захотел убить именно его, давно нашли бы и ликвидировали.

А коп этот, лейтенант Мигель Фернандес, судя по всему, был неплохим парнем. Сам связался с повстанцами, первым разагитировал свой отдел настолько, что почти все его сослуживцы перешли на их сторону.

И, словно празднуя непослушание, отрастил трехдневную щетину на и без того зверском лице. Рихтеру даже стало неудобно за свой чисто выбритый подбородок. Тоже мне, геройпартизан. Но он привык и в полевых условиях быть аккуратистом. В свое время он не решился на процедуру по разрушению волосяных фолликулов с помощью электролиза, очень популярную одно время в европейских странах. Поэтому теперь мог отпустить бороду, как кубинский «барбудос», и это при том, что у многих из местных они росли плохо, видимо, из-за индейских генов. Но Макс не хотел выглядеть как Бармалей.

Турель крупнокалиберного пулемета на крыше машины была повернута в сторону двухэтажного здания из серого бетона, спрятавшегося за невысоким металлическим забором. Было оно совсем небольшое, но его размер не соответствовал его важности.

«Policía Federal» – было написано на воротах, и эти же буквы светились красным на фасаде. Больше на всей улице не горело ни одной вывески. Д-реальность тоже не работала, поэтому мир казался непривычно пустым и ясным. Не было и прохожих. Даже уличные кошки куда-то попрятались.

В небе, где светили только звезды, тоже было непривычно пусто без огней реактивных самолетов и дирижаблей. Авиамаршруты обходили и те регионы, где шли вооруженные столкновения, и те, где власть захватили «незаконные вооруженные формирования». С мрачной иронией Рихтер вспомнил, сколько раз он слышал и использовал эту аббревиатуру НВФ в отчетах и донесениях, когда сам еще служил в «законных вооруженных формированиях».

За рулем машины сидел еще один коп, перешедший, как принято говорить, на сторону народа. Вообще-то в каждой стране Латинской Америки были свои сленговые слова для сотрудников полиции. Тут, в Мексике, самым нейтральным было el jura, «законник». Еще имелись другие, более обидные. Но Макс все равно мысленно называл полицейских в любой стране копами, тем более, что начальство у них было общее, несмотря на разную форму, звания и штатное расписание.

Пехота повстанцев до этого удачно выманила ложным отступлением из города половину «матадоров» и обрушила на них свинцовый ливень в серии засад в горах. Потом «на плечах обороняющихся», как говорили в старину про штурм крепостей, она вошла в город, но теперь продвигалась очень осторожно. Все-таки тут была территория противника. Уже в черте города появились первые потери от огня снайперов. Но прямого огневого контакта между основными силами пока не было.

До этого они наступали с юга на север, занимая квартал за кварталом и в основном не встречая сопротивления. Им пока везло, потому что на территории Канкуна у корпов и копов почти не было техники. Туристы люди нервные, и на курорте не очень радуются наличию на улицах танков и роботов-убийц, которых тут называли «терминаторами», хотя двуногих среди них не имелось.

Главной и пока единственной серьезной проблемой для герильяс стали толпы канкунцев, которые высыпали их приветствовать. На плоских крышах домов, куда обычно люди поднимались во время сиесты, где разбивались маленькие сады, было не протолкнуться. Лес рук поднимался над толпой. Только стрельбой в воздух и командами, усиленными громкоговорителями, удалось заставить людей покинуть опасные крыши. А вот с улиц зеваки убрались, только когда среди них появились первые трупы. Снайперы врага не дремали, хоть их и было немного. Судя по хаотичной стрельбе, от которой на одного убитого партизана погибало двое гражданских, это были те еще дилетанты. И вряд ли от такой стрельбы была ощутимая для правительственных сил польза.

Между тем планомерная зачистка освобожденных районов только началась.

Четверка бойцов-партизан во главе с Максом перебежками от одного укрытия к другому пересекли улицу и остановились возле того, кто их так настойчиво звал. Силуэт джипа скрывал их полностью. Уже почти стемнело, но пересекать открытое пространство никому не хотелось, хотя они и были в армейских бронежилетах и шлемах высшей защиты.

Отсюда до здания федерального полицейского управления Канкуна на проспекте Чичен-Ица было около тридцати метров. Их отделяла от него только пустая стоянка, на которой стояли развернувшийся боком полицейский минивэн и несколько патрульных электромобилей. В здании не горел свет, и жалюзи, явно не из простого пластика, были опущены.

– Сколько их там, лейтенант? – спросил небритого офицера полиции Макс.

– Человек двадцать. Вы собираетесь штурмовать?

– Да, мне дали разрешение. Мы тоже не хотели кровопролития, но выбора нет.

– Может, еще подождете? – здоровяк-коп с красной повязкой переминался с ноги на ногу, пытаясь разглядеть что-то в здании, – Я отправил им сообщение, но не отвечают, козлы.

Видимо, его линзы не обеспечивали такого «ночного зрения», как у Рихтера. Видя, что лейтенант мучается, но не сознается, Рихтер протянул ему маленький бинокль «ночного зрения».

– Нечего дальше ждать, – Макс поморщился. – И не ответят. Там остались те, кто уже определился. Кому терять нечего. Там не только ваши. Там еще эти сучьи «матадоры». У них у всех руки в крови.

– Но умирать и они не хотят. Пообещаем им жизнь.

– Попробуйте, лейтенант. Только не высовывайтесь на открытое место. У них могут быть если не снайперы, то меткие стрелки. Sharpshooters. Вы успели унести снаряжение?

– Почти нет. У них там абсолютно все.

– Хреново. Ну ладно, побудьте дипломатом, лейтенант. Только говорите им, как я вам написал. Слово в слово.

– Да ну вас к чертям собачьим! – Мигель зло отмахнулся от него. Видимо, его терпение вышло, и слушаться чужака-иностранца он не хотел. – Я сам знаю, как говорить! Я с этими мужиками десять лет служил. А вы...

Договаривать он не стал. Вместо этого высунул голову из-за укрытия и заорал:

– Парни, кончайте этот балаган! Вы к женам хотите или сдохнуть здесь за жирных ублюдков? Выдайте нам «матадоров» – и пойдете по домам. А после служебного разбирательства... будете восстановлены на службе этой, мать ее, Народной Власти. Или вас отпустят с миром, если не захотите служить! Решайте, парни.

Сам Максим собирался сказать по-другому. Примерно так: «Граждане, ранее являвшиеся сотрудниками полиции! Вы незаконно занимаете общественное здание, совершаете общественно-опасные деяния, покрываете деятельность лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях против Мексики и всего человечества, препятствуете нам, народу, в осуществлении нашего конституционного права посетить общественное здание. Вы находитесь под гражданским арестом. Сдайте оружие и выходите с поднятыми руками».

Но у лейтенанта получилось даже лучше. Поэтому Макс был уверен, что это подействует.

И все равно беспокойно на душе. Что там на крыше? Спутниковой картинки уже не получить. Спутники больше не предоставляли информацию, хоть это было и дико, непривычно – ведь с самого детства они привыкли, что любую вещь или здание поблизости можно увидеть «с орбиты» в реальном времени, в любом разрешении и с любой высоты, будто подпрыгнув в небеса.

Лейтенант Мигель Типичная-ИспанскаяФамилия высунулся еще чуть-чуть. Скорее символически, словно мог видеть тех, к кому обращается. Хотя обращался он к черным непрозрачным окнам. И тут же очередь из рельсовой винтовки прошла насквозь его голову, которой не помог бы и шлем, даже если бы тот был. Лейтенант тяжело рухнул всем двадцатикилограммовым телом, умерев мгновенно, еще до того, как упал на землю. Из всех отверстий потекла кровь, окрашивая микропористый асфальт, который впитывал ее так же, как дождевую воду.

И сразу из окон верхнего этажа начали стрелять по вымершей улице, стрелять на малейшее шевеление тени. Стрелять в пустоту. Грохотал пулемет, щелкали обычные штурмовые винтовки. Выстрелы из электромагнитного оружия были почти бесшумны. В ответ им ударил турельный пулемет джипа.

Партизаны залегли. Макс успел заметить, как несколько пуль крупного калибра – или скорее снарядов – ударили в бронированный джип, и от каждого попадания тяжелая машина вздрагивала. Пулемет «Бульдога» какое-то время еще стрелял, но выше цели – по крыше, а потом и вовсе в небо. Видимо, водитель-стрелок был тяжело ранен или мертв, а его дернувшаяся рука сдвинула метку цели управляемого электроникой орудия. Но даже от этого была польза. Если кто-то был на крыше полицейского участка, они залегли, напуганные и оглушенные. И еще долго стреляли по машине, не понимая, что она уже не опасна.

Водителя машины вытащили, и он-таки действительно оказался убит.

«Огонь!» – скомандовал Макс через тактическую сеть.

И атака началась. Еще десять минут назад два небольших дрона-мультикоптера взлетели и зависли на высоте второго этажа в двух кварталах отсюда. И теперь, стабилизировав положение в пространстве, они начали стрелять из закрепленных в нижней части корпуса снайперских рейлганов.

Огонь крупнокалиберных и мощных рельсотронов производил ошеломляющий эффект – стекла не вылетали, а покрывались идеально ровными отверстиями. Точно такие же дыры оставались от попаданий в прочном железобетоне.

Повезло, что копы-перебежчики дали им «ключи» от этих машин, хранившихся на военном складе в соседнем штате Чьяпас. С большим трудом Макс убедил командование придать их штурмовой команде эти игрушки. Его предупредили, что, если хоть одну из них сожгут, его поимеют. Гораздо более жестоко, чем за гибель людей, находящихся под его началом.

«Этих дронов всего два, – написал ему команданте Ортега. – За каждый ты отвечаешь головой, Рихтер. Помни, что они не размножаются. Береги их... и ценные кадры».

Пулемет добровольца из Сербии по имени Зоран бил по окнам. Ему вторили два 40-миллиметровых гранатомета в руках у других партизан, которые занимались тем же – выцеливали, откуда ведется огонь, и стреляли на подавление. Другого тяжелого оружия им не дали. Можно было бы просто сжечь этих паразитов из огнемета с термобарическим боеприпасом. Один легкий «Dragonfly» у них имелся, но разрешение на его применение пока не было получено.

Партизаны на крышах и на втором-третьем этажах домов по другую сторону улицы вели непрерывный огонь из стрелкового оружия по окнам Управления. Кроме отделения Рихтера, участок штурмовали еще человек тридцать добровольцев, но ими командовал их собственный партизанский *teniente*, парень лет двадцати пяти, который хоть и координировал свои действия с Максимом, как с более старшим и опытным, но отнюдь ему не подчинялся. Однако и Макс ему – тоже. Будь его воля, Рихтер постарался бы не подставлять их под прицельный огонь врага. Но уж очень они рвались в бой.

С помощью доплеровского радара Рихтер видел сквозь стены, ставшие прозрачными, силуэты врагов, как размытые красные пятна. А дроны должны были видеть их еще лучше. Они уже не висели в воздухе, а заняли позиции на крышах, как огромные кузнечики, что еще больше повысило кучность и меткость. На них была включена расцветка «хамелеон».

Но кто знает, какое зрение могло быть у врагов. Арсеналы полицейских участков обычно полны разнообразного оборудования. Поэтому маскировочная окраска могла их не обмануть, да и численность атакующих они могли знать с точностью до человека.

Вскоре из нескольких окон полицейского участка потянулись струйки дыма. Внутри, судя по инфракрасному профилю, что-то горело. Но это вполне могли быть и сжигаемые бумаги.

«Бумаги? Они в этой дикой стране еще используют бумажные документы?!».

А потом Максим вспомнил, что и в Корпусе мира все приказы и циркуляры в обязательном порядке распечатывались на бумаге, чего в частных фирмах не делали уже лет двадцать, в крайнем случае, применяя листы с умными чернилами, сберегая деревья. А «силовики» всех стран деревья не щадили, они и людей-то не жалели. Что поделаешь, инерция бюрократического мышления.

Тянулись минуты. Дроны меняли позицию после каждой серии выстрелов. Их снаряды прошивали и бронированные окна, и стены. Конечно, там уже все легли на пол, но даже это не могло полностью обезопасить обороняющихся.

То и дело вспыхивала перестрелка. Но скоро из здания почти перестали отвечать на огонь. Минимум четверо из них уже мертвы, подумал Максим, анализируя данные радара. Как он догадался? Трое не шевелились, а один и вовсе был похож на обрубок. Вряд ли он остался жив, потеряв конечности. Все-таки у дронов был неплохой калибр.

«Главное – уничтожить того, кто стрелял из тяжелой „рельсы“. Легкие экземпляры нашу броню и корпуса дронов могут и не пробить».

Внезапно входящий сигнал заставил Максима поморщиться. Обычное радио, прямо ему в ухо. «Немедленно начинайте штурм и зачистку! – пришел приказ от Ортеги, совершенно недвусмысленный. – Там в здании важные документы, которые надо захватить любой ценой!».

Говорил он своим скрипучим старческим голосом.

Максим понял, что сейчас прольется немало крови. Даже если их там осталось немного, они все равно перебьют кучу необученных добровольцев, впервые взявших в руки автоматы. «Перешедшие» копы тоже далеко не все умели штурмовать здания.

Куда спешить-то? Все, что хотели сжечь, уже сгорело. А все данные, которые можно стереть, эти гады уже удалили. И все носители разбили, если имели на это желание. Вот только имели они его или нет – зависело от состава обороняющихся в Управлении. Если копов там мало, то и до их секретов никому дела нет. Все-таки «матадоры» были частниками, и полицейские секреты к ним отношения не имели. Хотя... они сами могли быть в полицейских картотеках, учитывая, из какой накипи набрали этих провокаторов и штурмовиков.

Боевая пехотная броня была только у специального штурмового отделения из отряда «Панчо Вилья», недавно сформированного. Хотя и шлемы, в три раза прочнее кевларовых, не спасали от бронебойных боеприпасов. Остальные бойцы были все равно что голыми.

Тут быгодились специальные щиты. Макс вспомнил, как в Академии их учили с ними обращаться. Но даже полицейские баллистические щиты от боеприпасов, разогнанных рельсотроном, не помогают. Да и не было у них щитов.

«Последняя попытка. Надо попытаться еще раз», – подумал он. Да, шансов мало, ведь кровь уже пролилась. Но не надо переоценивать чувство товарищества среди таких шакалов. Своя шкура для них ближе к телу всегда.

– Эй вы, законники херовы! А ну, сдавайтесь! – голос Рихтера, усиленный мегафоном в джипе, к которому он подключился по беспроводной связи, прогремел над парковкой как глас Зевса-Громовержца. – Мы вам ничего не обещаем, кроме жизни! Но если не сдадитесь, умирать будете страшно. Мы найдем тех, кто вам устроит сладкую жизнь. Но даже это не главное. Я знаю, среди вас большинство местных. И ваших жен и детей уже ищут. Вы будете умирать на их глазах, а они на ваших. А я не местный, мне на вас насрать. Вы для меня никто, понятно?

Несколько минут было тихо. Молчали и свои. Макс подумал, что даже для партизан его блеф прозвучал слишком резко.

– А какие гарантии?

– Честное слово генерала Ортеги.

Генерал Ортега был местный, из небольшой деревушки на юге штата Кинтана-Роо.

После довольно долгой паузы кто-то ответил – так же громко, через мегафон, голосом, пытавшимся звучать дерзко, но на самом деле неуверенным и испуганным:

– Не стреляйте! Выходим... Мы из Канкуна. Полицейские... и гражданские добровольцы. Чужих мы замочили... это они стреляли. А у нас крови на руках нет.

Так уж и нет?... Ох уж эта страна оксюморонов.

Вот так гуманисты-затейники. Если, конечно, не врут.

– У вас три минуты! Оружие оставьте там, где стоите. В здании. Броню снимете на парковке.

– Ну, ты даешь, командир, – услышал Макс голос кого-то из своих. Вроде бы Гаврилы. – Лютый ты.

– Как немец времен Фридриха Барбароссы?

– Как русский из Казахстана, – хохотнул Гаврила.

Конечно, он блефовал. Он не раз убивал плохих, по его понятиям, людей. Но, помимо опасных преступников, даже котенку, пожалуй, не причинил бы зла.

Через две минуты из главного входа, с поднятыми руками, понуриив головы, потянулась процессия людей в заляпанной кровью черной и синей форме, на ходу снимавших бронежилеты и складывающих их в кучу. Все они шли безоружные, как и было приказано. Но отделение Максима до самого конца, когда пленным скрутили руки их же наручниками и дополнительно стяжками для проводов, и посадили всех в кузов броневика, не ослабляло бдительности и держало всех на прицеле. Два тяжелых дрона прилетели и зависли в пятидесяти метрах от входа, стрекоча винтами, как большие жуки. Хотя в этом уже не было необходимости.

После того, как вышел последний из врагов, здание обследовали три легких дрона «Оса». И только потом туда вошли люди, в том числе несколько саперов. Проверять арсеналы, спасать ценные документы, тушить огонь, еще горевший в одном крыле. Много им в тот день досталось трофеев, а партизанской разведке наверняка удалось выведать от пленных массу информации. Что стало с ними потом, Макс не знал, но надеялся, что его не сделали лжецом. А количеству найденного в здании героина, кокаина, другой «дури», золота и драгоценностей позавидовал бы и наркобарон.

В перестрелке, кроме двух «правильных» копов, погибли еще трое добровольцев, как ни пытался он удержать их на второй линии. Их положили рядом с Мигелем и его коллегой, которого извлекли из джипа. Рихтер увидел в этом мрачную иронию судьбы, своеобразное социальное примирение после смерти. А пока ждали карету «скорой помощи» для раненых и для трупов, прикатил робот-мойщик и начал отмывать кровь с дорожного покрытия. Тупая черепаха не видела, что вокруг воюют и продолжала разбрызгивать на асфальт моеющее средство, а потом тереть его валиками. Заряда у нее хватит до утра. В Мексике их было мало. Тут, как в любой стране Периферии, лоск наводился только в столице и в крупных городах, да еще в туристических зонах. Но Канкун был именно такой зоной. Больше серьезных боев в бывшем курортном раю не было. А об этой славной победе даже написали в агитационном листке повстанцев и долго говорили по радио, ведь сеть уже почти не работала.

Правда, все лавры забрал себе Ортега, а Максима почти сразу после операции снова назначили командиром обычного отделения, каких было много, а не штурмового. Почти все снаряжение пришлось сдать. Дронов тоже забрали и погрузили на грузовик, с тем чтобы увезти куда-то на юг.

Куда? Зачем?

И еще он не до конца понимал, почему ему не дают больше ответственности.

«Может, они потеряли ко мне интерес, просканировав? Поняли, что я не знаю каких-то секретов внутренней организации и тактики Корпуса? Думали, что во мне есть что-то уникальное, а я оказался обычным человеком?».

Рихтер старался не думать об этом. Жить одним днем и сражаться в полную силу, наплевав на все интриги и тайны Мадридского двора.

* * *

Старый мир еще не умер окончательно. Еще работали многие рекламные баннеры, навязывая людям дорогие покупки и предметы роскоши, без которых они якобы не могли жить. Никто еще не знал, что делать со всем этим. Некоторые радикалы говорили, что надо ограничить, другие – что полностью запретить.

Еще передатчики заполняли эфир довоенными роликами, призывающими купить машины премиум-класса, которые производители перестали поставлять сюда еще в сентябре. Еще навязывали кредиты иностранные кредитные союзы... хоть это уже и было объявлено НарВластью незаконным. В Мексике после революции, которая получила эпитеты Вторая и Великая (чтобы выделять ее из многочисленного ряда других революций), деятельность банков была поставлена под строгий контроль. Все долги прошлого, которые люди набрали «в

кризисный период», – прощены, а все базы данных по кредитам местных банков торжественно удалены, что вызвало дикий восторг у населения, которое знало про вековые традиции долгового пеонажа не меньше, чем африканские чернокожие – про рабство.

Сеть отелей «Pearl river» еще предлагала провести чудесный отпуск в Мексике всего за 999 глобо на прекрасных пляжах Ривьеры Майя. Еще на Лондонской, Нью-Йоркской и Пекинской биржах пересчитывались котировки акций компаний, чьи материальные активы располагались в секторе «ЦЮА» и были национализированы шестым по счету декретом правительства НарВласти, который объявлял об изъятии собственности в пользу казны у всех компаний, имевших отношение к деятелям Камарильи. А это были почти все крупнейшие корпорации. Их личная собственность была тоже конфискована. Право владения для нерезидентов было не аннулировано, но «приостановлено».

К югу, в Боливарианской Конфедерации, творилось то же самое и даже круче. Заводы, транспорт, здания, производственные линии компрадорских корпораций перешли, как было объявлено, во владение народа.

Хотя сам народ особых изменений в своей жизни пока не увидел, а собственность была пока под управлением каких-то людей с мутными биографиями. Но Рихтер думал, что всему свое время. По крайней мере, воду включили и электричество дали, и хотя бы половина заводов работали. Остальное придет с установлением мира.

Конечно, бывали и издержки. Кого-то несправедливо обидели, ославив на весь город как лакея компрадоров. Кого-то без вины задержали и подвергли допросу с пристрастием. У кого-то забрали лишнее, а то и последнее. Но горячих бойцов герильи, как он знал, держали в узде комиссары, заменяя мозги и совесть тем, у кого своих было недостаточно. Поэтому Максим не сомневался, что клеветнические рассказы перебежчиков из-за кордона о грабежах и погромах магазинов, а также пыточных камерах, надо делить на десять.

А если кто-то и грабил супермаркеты и лавки, то это были в основном жители ближайших улиц (и первыми из них – наверняка сами работники этих магазинов). Кто может их в этом обвинять? В стране... да и во всем секторе целый месяц творится один дьявол знает что. Цены росли как на брошенных в выгребную яму дрожжах, электричество включали на четыре часа в день. Водопровод с канализацией то и дело переставали работать – даже в дни тридцатиградусной жары, отключаясь вслед за зависимыми от электричества кондиционерами.

Хуже всего было тем, у кого не было автономных генераторов.

Сеть тоже пропала. Сеть, с которой рождались и умирали уже два или даже три десятилетия. Конечно, когда надвигается голод и дизентерия – людям не до винок и не до порно, но трудно жить без стабильной связи в большой стране с неровным рельефом.

Вначале все подумали, что дело в поврежденных в ходе боев, либо сломанных проклятыми корпоративными саботажниками ретрансляторах. Но вскоре НарВласть распространила коммюнике, в котором объясняла, что это начал действовать включенный Мировым советом, вернее его спецслужбами, Фаервол, который отрезал мятежный сектор от остального мира.

Директорат компании «Rugamid Products», которая была и коммуникационным монополистом в регионе, тоже приложил к этому руку. А еще через несколько дней запустили глушилки (кто именно – были разные мнения), которые оставили восставшие страны без связи. Только старые армейские коротковолновые передатчики могли пробиться через плотные помехи.

Об этом Максиму рассказал Иван Комаров из Технической службы.

Сеть отключили через день после того, как в Швейцарии упал космический корабль. После события, которое во всем мире называли просто Обвалом. Когда рухнула мировая валюта, посыпались биржи, и правительство в Женеве ввело – опережая или догоняя повстанцев и сепаратистов – строгое экономическое регулирование во всех секторах мира. И формально «независимые» страны сразу кинулись это выполнять. Заодно был включен пакет антикризис-

ных силовых мер, дававших Корпусу мира полномочия, которых не было у него никогда. Что само по себе затмило в новостях даже взрыв лунного «грузовика» рядом с популярным горным курортом.

Впрочем, сейчас туристов уже не осталось, хотя сезон был в разгаре. Обычно на День Мертвых приезжало много европейских, североамериканских и даже японских туристов, а также выходцев из стран центральной Евразии, которые наводняли Канкун пестрой разноязыкой толпой.

Но в этом году тут, как и по всей Мексике, по всей Центральной Америке и на большей части Южной, кроме Чили и Панамы, – был свой, совсем другой «День мертвых». И туристам на него смотреть вряд ли хотелось.

Туристический бизнес начал умирать еще раньше, до революции, до указа Мирового совета, до эмбарго и до блокады. Он корчился в конвульсиях с началом первых столкновений, взрывов и перестрелок, потому что мало кто хочет за свои деньги получить осколок в живот или пулю в голову. А к концу октября, когда правительство сбежало, а восставшие неожиданно легко заняли всю территорию страны, кроме центра столицы и нескольких военных баз и портов, – он уже лежал в коме и не подавал признаков жизни. Любой бизнес умирает, когда приходит война, особенно индустрия развлечений. А эта война была вдвойне губительна для бизнеса, потому что была гражданской, хотя и трансграничной, охватившей целый континент и часть соседнего материка.

Никогда в мире со времен двадцатого века не было ничего подобного.

Максим посмотрел на белые здания отелей, куда он сейчас направлялся. С виду такие же чистые и лоснящиеся, как из буклета... Но внутри гламура поубавилось. Там поселились козы с курами в осушенных бассейнах, возникли перегородки из фанеры в спальнях номеров «люкс», а помойные ведра порой сливались прямо в лифтовые шахты. Старый персонал разбежался, забрав все, что можно было забрать и испортив все системы, которые можно было сломать. Чтобы свалить этот вандализм на новых жильцов. Видимо, они следовали указаниям владельцев. В агитационных листовках писали именно так.

Поэтому пришлось назначить комендантов и дежурных по этажам. Чтобы никто не вымещал народный гнев на туалетах и осветительных приборах. Роботов-уборщиков, ломать которых для многих стало просто спортом, сменили люди. Ведь беженцы были не только из промышленных и относительно зажиточных штатов Юкатан и Кампече, но и из Чьяпаса, который в связи с кризисом нефтяной отрасли бедствовал. Он не имел с Кинтана-Роо общей границы, но люди – в основном бедняки – успели перебраться, пока еще ходили поезда и не было блокпостов. Успели, надеясь, что тут, в туристическом краю, сытно и уютно. И даже из соседнего Белиза и Гватемалы ехали крестьяне на грузовиках и легковушках, рискуя получить пулю на границе или в джунглях.

На самом деле рая тут не было в помине. В Канкуне беженцев было уже почти столько же, сколько жителей. Продукты заканчивались на складах. Из-за паралича органов правопорядка город был загажен, в общественных зданиях все было разбито и испорчено, а стены исписаны матерными словами – на испанском и английском, и даже ругательствами на индейских языках.

Конечно, в общих пабликах и рассылках – пока сеть работала, – а потом лишь с трибун и по радио много говорилось о всенародной победе и равенстве. Но те, кто раньше относились к обеспеченному классу, если не успели сбежать, то сидели, закрывшись на все замки и держа под рукой заряженное оружие (если его не успела по наводке соседей конфисковать *la Milicia*). Даже роботов по отдельному постановлению у них забрали, а заборы и другие системы защиты обесточили. Они боялись высунуть нос на улицы даже днем, а каждая ночь для них превращалась в выживание в диком лесу. Иногда их находили по утрам с перерезанным горлом или дырой во лбу.

«Опять los bandidos», – пожимали плечами новые местные жители – из тех, кто самовольно поселился в пустующих соседних виллах.

Максим считал, что это неправильно и даже чудовищно. Одно дело функционеры прежнего режима и близкие им финансовые тузы. Но бывают же – наверное – и такие богатые люди, которые self-made men и честным трудом всего достигли. Он не был уверен, но подозревал, что встречаются и такие.

Но, в общем-то, ему был понятен гнев безработных и бездомных против сытых вчерашних хозяев. А дружинники и Народная милиция просто не справлялись. Надо было зачистить освобожденные территории от скрытых врагов, поймать всех подлых корпоративных шпионов, которые еще прятались по углам. Даже хорошо стало, когда отключили сеть для массового пользования.

Одновременно с сетью AR/VR (А-реальность плюс V-реальность) накрылось разом все, что входило в пакет по умолчанию: нейрочат, окулярный ввод, геопозиционирование, под-сказки из Ультрапедии и многое другое. Даже старый ламповый Интернет, если о нем кто-то еще помнил, стал почти недоступен.

И правильно! А то некоторые привыкли стримить каждый шаг. Субкультура информатиков этим особенно баловалась. В мирное время это нормально, но на войне...

В своих рядах такое еще как-то можно обуздать, этим занимался особый отдел. Но как помешать гражданским выкладывать каждый шаг и каждый квадратный метр с привязкой к координатам? А по этим координатам очень удобно будет стрелять спутникам.

Так что может и хорошо, что сеть на время отключили, подумал Максим. Или заглушили. Хотя еще недавно это было бы равнозначно тому, как если бы отключили атмосферу. Но ничего, выжили, нашли себе другой досуг, даже стали книги читать. Рихтер своими глазами видел. Правда, больше уровня комиксов.

А еще в сети раньше постоянно играли в игру «Разоблачи шпиона». Местные расставляли столько маркеров на домах, где якобы скрывались диверсанты, что приходилось сбиваться с ног, проверяя, так ли это. И в основном оказывалось, что человеко-часы защитников революции потрачены впустую.

Много было доносов на «горизонтальный коллаборационизм» – то есть на половые связи с paramilitares, которых повстанцы ненавидели даже сильнее, чем бывших чиновников. Чьих любовниц тоже, впрочем, ловили и выставляли на позор. Народные линчеватели поступали с такими просто – обрывали наголо, а потом обливали синтетическим клеем или другим адгезивным веществом, которое легко синтезировать в домашней лаборатории-принтере. Потом обсыпали стружками, блестками, пенопластовой крошкой или какой-то еще полимерной сыпучей дрянью, которая синтезировалась там же. Все это склеивалось в одну трудно отмываемую массу, надолго уродующую лицо. А сверху иногда еще обливали стойким красителем вроде «зеленки», $C_{27}H_{34}N_2O_4S$, которая за пределами СНГ не использовалась в медицине, но, видимо, кто-то из интербригадовцев раскопал рецепт. И гоняли несчастную по дорогам или выставляли напоказ, привязав к фонарному столбу или дорожному знаку.

Такие доносы их командир Сильвио всегда оставлял без внимания, как, впрочем, и жалобы на линчевателей.

Революционные власти в расправах не участвовали, но и бороться с ними не имели сил, а может, желания. Творилось это обычно в глухомани, а не в крупных городах. Сам Рихтер всего пару раз видел такие «казни». Конечно, дикость, человек может и отравиться, и задохнуться. В одном случае его отделение разогнало выстрелами в воздух небольшую толпу, собравшуюся вокруг привязанной к офисному креслу девушки, одетой явно в дорогие дизайнерские шмотки, чье лицо было уже не только раскрашено, но и располосовано ногтями. Ее катили по тротуару, выкрикивая отборную брань и останавливаясь на перекрестках, чтобы встряхнуть

так, что у нее клацали зубы, и нанести очередной удар или порез. Особенно усердствовали женщины, с перекошенными, как у фурий, лицами.

Рихтер даже не стал разбираться, что она сделала или с кем путалась. Самых активных мучителей, не разбирая пола и возраста, вырубил шокером, связал стяжками (которые широко использовались вместо дефицитных наручников) и сдал патрулю, а утром не поленился проследить, чтобы их, включая четырнадцатилетних подростков, на неделю отправили на исправительные работы по разборке завалов сгоревших в ходе боя складов с пиротехникой. Там брали любых. Он терпеть не мог, когда люди теряли человеческий облик. Даже если был какой-то повод. Это нужно пресекать прежде всего самому революционному движению, ведь такие изуверы в тылу дискредитировали труд тех, кто уже бился на фронте или завтра пойдет под пули.

Итак, по крайней мере для части беженцев в городе нашлось жилье и пища. Тут уж не до чистоплюйства, подумал Максим. Конечно, здесь не Сибирь и не Гренландия. Но под открытым небом никто ночевать не должен, когда где-то простаивают свободные просторные комнаты! И к черту «святость частной собственности». Человеческая жизнь и просто достоинство в разы более святы.

Для остальных поставили палатки. Сезон дождей закончился, но осень в этом году выдалась ветреная и прохладная. Даже и не скажешь, что до экватора рукой подать. А два тропических шторма подряд, обрушившихся на побережье, нанесли жилому фонду больше вреда, чем все боевые действия сентября-октября.

В Союзе Освобождения Земли, да и в самой его боевитой части – «Авангарде» – было много фракций – от ультралевых до умеренных реформистов. В общем-то, как и раньше во всех революциях. Но тут, в Мексике, они пока уживались вместе, воюя против общего врага. Макс по своим взглядам был где-то посередине. Не был сторонником тотальных экспроприаций, как его товарищи Ян Виссер и Гаврила Бурков – разные в остальном, в этом пункте они сходились. Максим считал, что преобразования должны происходить постепенно и желательно мирно. Но против активных врагов, думал он, можно и нужно применять насилие.

И он был рад, когда эти бюрократы из Центрального комитета перестали миндальничать с отельерами – и все крупные гостиницы города, где было больше пятидесяти спальных мест, национализировали одним росчерком пера. Вроде бы с выкупом, но «как-нибудь потом и только в песо, а не в глобо». И теперь в них разместили вчерашних бездомных и сельских бедняков. В дорогих номерах квартировали дети пеонов и поденных рабочих. И беженцев – тех, кто лишился крова в ходе войны, которую так называемый Корпус мира уже третий месяц вел против народов Южной и Центральной Америки.

Войны, которую для остального населения планеты стыдливо называли сначала операцией по поддержанию гражданского мира, а потом контртеррористической операцией. Хотя в этих странах почти все сходились на том, что настоящие террористы были в компаниях вроде «Pyramid Products», в подконтрольных ей формированиях типа «матадоров», в полицейских спецотрядах и особенно – в Корпусе мира, который, казалось, ненавидели тут даже младенцы, едва научившиеся ходить и говорить.

В Мексике Корпус пока не видели, но ждали прямо-таки с «распростертыми объятиями».

В сфере розничной торговли товарищи из ЦК тоже приступили к масштабным делам. Сначала была конфискована собственность – товары, оборудование и здания – четырех крупнейших торговых сетей континента. «За соучастие их главных собственников в ограблении народа». Через два дня их объединили и превратили в Национальную службу распределения товаров – SND, el Servicio Nacional de distribución, в которой население отоваривалось по карточкам (где-то электронным, а где-то и бумажным) необходимым для выживания минимумом продуктов.

«Давно пора, – радовался Гаврила. – Только мало. Вот бы объявили экспроприацию личного имущества всех богатых упырей! Не юридических лиц и подставных контор, а их самих и их братьев, любовниц, родителей, дядьев, сватов и кумовев! Как бы все аплодировали! И не только жители гетто».

Да, конфискации были. Но почему-то собственность отобрали только у нескольких министров и магнатов. Причем, непонятно, по какому принципу их выбрали. А остальных не тронули, а когда спохватились, те уже благополучно уплыли и улетели из страны. Позже оказалось, что вместе с ними «уплыли» и их финансовые активы. В государственных банках и фондах словно образовалась черная дыра, куда втянулись все нематериальные резервы. Это то, что творилось на верхних этажах пирамиды, которые теперь вроде бы должны были считаться нижними.

Но внизу, в настоящем низу, тоже было беспокойно. Базовые товары теперь продавались в национализированных магазинах по сниженным – «народным» – ценам. Народ валил валом, в очередях дрались и падали в обморок от духоты – пришлось приставить патрули из дружинников *la Milicia*. Пару раз у толпы срывало клапан, и начинались грабежи и погромы. Макс знал, что продажные либеральные шелкоперы использовали эти кадры, чтобы очернять народную власть в глазах остального мира. Картины давок, пустых полок и разгромленных продуктовых отделов супермаркетов заполнили все мировые масс-медиа и публичные сети.

«Конечно, – думал Максим, – при свободном рынке этих людей просто предоставили бы самим себе. Выживайте, как хотите! Вымирайте с голоду на улице. Зато никаких очередей и коммуналок».

Но остальные торговые сети продолжали функционировать – те, которые сумели получить у НарВласти разрешение. «Доказать», что их капитал – национальный, а не безродный глобалистский. И им оставили всё. Только обязали отдавать небольшой фиксированный процент товаров по карточкам, с обещанием потом оплатить из бюджета. Банки были национализированы днем раньше, но тоже далеко не все, а те, которые объявили компрадорскими.

Многие сохранили капитал. Естественно, их объяснения не стоили и ржавого песо. А разрешения были получены дельцами у чиновников НарВласти благодаря деньгам и связям. Последние и в новой Мексике, и в Боливарианской Социалистической Конфедерации имели теперь больший вес, чем деньги.

И даже ту мелочь, которой розничные сети заставили поделиться с нуждающимися, «народные супермаркеты» взяли моду выдавать, собирая все личные данные людей. Якобы бесплатно – но у Максима было подозрение, что они надеются на возвращение старой власти и взыскание всех долгов в полной мере. По рыночной стоимости. А может, и с процентами за моральный ущерб.

«Еще и нажиться хотят на народном горе», – думал Максим. При этом он совсем не был радикалом и верил в мирные постепенные социалистические преобразования.

Те, кто был более левым, слыша о таком поведении крупных торговых сетей, сразу хватались за кобуру. Говорили просто: «Всех буржуев и спекулянтов к стенке». Пусть, мол, постоят немножко, подумают над своим поведением. Потом, через пару часов... или дней их обычно отпускали, бледных как полотно и обмочившихся. Мало кто после этого отважился писать жалобы в комендатуру или канцелярию НарВласти.

Акроним «НарВласть» и его аналоги употреблялся сторонниками «Авангарда» применительно ко всем странам, где они победили. Но в самой Мексике новый режим чаще называли *República Democrática* или *República Popular*.

Во всем секторе царил и климатический хаос. Если центральная часть страны страдала от засухи, а Атлантический берег терзали шторма умеренной силы, то по всему Тихоокеанскому берегу от Тихуаны, где уже шла антитеррористическая операция Корпуса мира, до бога-

того Акапулько, где революционная власть стояла твердо и, если верить реляциям НарВласти, каждый день накрывали все новые и новые ячейки предателей, – прошел тропический ураган «Анна-Мария», которому была присвоена высшая, пятая категория по шкале Саффира-Симпсона.

Затронул он и лежавшие к югу страны Центральной Америки. Апокалиптическим градом, заставившим тех, кто постарше, молиться, побило и посева под открытым небом, и знаменитые розы в городских парках. И маис, и рис, и бананы Эквадора, и кокаиновые поля Колумбии.

А в Мексике гидропонные фермы полного цикла, ранее принадлежавшие той самой «Pyramid Products», реквизируемые и переданные в «доверительное управление», – не могли и на двадцать процентов покрыть потребности населения западных и центральных штатов. Пришлось пустить в ход все сырье для пищевых суррогатов, которое нашлось на складах национализированных компаний. Отсюда и батончики, и брикеты.

Здесь, на восточном побережье, омываемом Карибским морем, призрака голода еще не было – в краю с таким климатом, где растут даже кокосы, он вряд ли возможен. Но через три-четыре месяца блокады вполне мог появиться дефицит в пище необходимых витаминов и микроэлементов.

«Чертовы гринго натравили на нас даже погоду!» – чуть не плача, говорила женщина одной из индейских народностей – скорее всего, майянка, – продавшая Максиму прямо у крыльца отеля несколько маисовых лепешек в обмен на японский солнечный элемент. Наверное, установит на крыше своей хижины. Или, возможно, брезентовой палатки в городском парке. Но, глядя на темное небо и чувствуя кожей порывы шквалистого ветра, Макс подумал, что ей больше пригодился бы ветряк. Хотя он быстро сломается, если она забудет убрать его при повышении силы воздушного потока.

Страшно подумать, что творилось на западном побережье, если скорость ветра там была больше раза в два. Углые жилища сносило, а последние, не испугавшиеся даже стрельбы и политической нестабильности туристы бежали.

На лотке у старушки лежали приготовленные на продажу сувениры – скелетики на веревочках и черепа-калаверос, молитвенные четки, ацтекские божки, мексиканские супергерои в масках. Были там и картинки ретабло, похожие на русский лубок, – с народными религиозными сюжетами. Например, такими: «Мы бесконечно благодарны Пресвятой Деве за то, что так хорошо уродились наши посева марихуаны». Или «Я благодарю тебя, Иисус Вседержитель, что ты помог мне и моему папе Педро Альваресу перейти границу со штатом Техас, не умереть в пустыне и не получить пулю от рейнджеров». Старые рисунки, еще прошлого века.

Но все это никакое не народное творчество, а штамповка на 3D-принтере. И туристов уже нет. А из местных никто такое не купит. Но надо же ей чем-то жить? Вот и надеется, что приобретут хотя бы добровольцы-интербригадовцы. Которые тоже своего рода туристы, хоть и с автоматами. Некоторые, у кого водились деньги, действительно брали – скорее, из жалости.

Рядом с женщиной стоял и щипал траву прямо с некогда роскошной клумбы ее серый ослик, на котором она привезла свою поклажу. Или мул? Макс так и не научился их отличать. Вообще-то животные ему нравились, в зоопарках он бывать любил. Хотя в зоопарках некоторые виды животных держать не разрешалось, ведь у зверей тоже есть права. Посмотреть на них можно было только в экопарках или в виртуале.

У него в детстве были только кошка-«британка» и такса. В Европе давно ввели драконовские налоги на сельскохозяйственную живность. Его бабушка, когда приходила к ним в гости, много ворчала по этому поводу: «И где их хваленая свобода? Мы когда-то держали и кур, и кролов, и хрюшек, – и без всяких лицензий фермера. Лучше бы я осталась в Казахстане. А еще лучше поехала бы к тетке на Алтай или к брату на Сахалин. Вот там было хорошо».

Простой поиск в сети подсказал тогда еще маленькому Максиму, что на всей территории бывшего СНГ эти налоги тоже есть. Но он не стал разбивать бабушкиных идеалов. Тем более она была уже старенькая. Россию и Казахстан он посетил, став взрослым. Пейзажи ему понравились. А люди... особой разницы ни в худшую, ни в лучшую сторону он не заметил. Нет, они были совсем не плохие и дружелюбные. Разве что копов и чиновников больше, да и наглее те. И, как и в Западной Европе, на любую ерунду надо было покупать патенты, а штрафы за нелегальное предпринимательство были драконовские. И тоже мало куда можно было пойти, не заплатив.

В общем, ничего в его душе не шевельнулось, хотя он многого ожидал, перечитав по настоянию бабушки почти всю слегка ненормальную русскую классику.

Но услышал он те же самые разговоры о деньгах, о «тачках», об удачно проведенном отпуске в четырехзвездочном отеле, о площади квартиры и пристройках к дачному домику. Вот и вся «загадочная душа» и «пыльные тропинки далеких планет». Наверное, это было сказано о далеком прошлом.

Хотя и в Германии он не чувствовал себя на родине. Видимо, слишком много времени провел в разъездах. Но слово «космополит» он считал не ругательством, а комплиментом и, как многие, воспринимал себя гражданином Земли. И именно вера в ее единство, подкрепленная песнями про «Прекрасное далёко», привела его сюда, в далекую Мексику.

«Угощу товарищей», – подумал Рихтер, положил лепешки в термосумку и, свернув, убрал ее в рюкзак.

На ухе деревенской торговки, чье одеяние представляло собой смесь домотканого и фабричного текстиля, был закреплен клипсой допотопный беспроводной наушник. Очень старая система. Уж сколько было шуток стендап-комиков про тех, кто экраны на руку проецирует. Молодым достаточно было отправлять прямо в глаза. А тут вещичка еще старше. Но Рихтер не осуждал старушку. Ему самому было удобно иногда управлять голосом или водить пальцем по виртуальной клавише. И он не понимал, зачем нужны для простых операций команды с окулярного сенсора... и тем более с нейроконтроллера, с его нормой ошибок одна к тысяче. Понты для зеленых выпендренчиков. Серьезные люди не гонятся за новинками ради новинок.

Женщина между тем бормотала себе под нос, что никто не хочет ухаживать за скотом, а поля зарастают травой, – глядя на толпу молодежи, которая пришла вступать в La Milicia – один из вербовочных пунктов Народной милиции разместился в фойе гостиницы.

Из вращающихся стеклянных дверей как раз выходила партия тех, кто уже получил форму и амуницию. Макс узнал эмблемы и шевроны на камуфляже бойцов – трех парней и двух девушек с коротко подстриженными волосами. Узнал нашивку с перекрещенными мачете и автоматом, похожим на знаменитый «Калаш», который на Западе зовут «АК-47». Это оружие и тут уважали. Такие до сих пор были в строю, но ими вооружали только дружинников и только в глухих деревушках. Эти ополченцы из Канкуна были вооружены более новыми автоматами.

Не все из них были обитателями гетто. Вот эти пятеро – явно дети из среднего класса, из «хороших семей». Те, которые привыкли поручать своим умным домам и температуру душа, и приготовление пищи. Которые не смогли бы вспомнить день рождения матери или отца... да даже своей девушки или бойфренда – без напоминалки.

Почти все они были не из «Авангарда», а из «Фронта за реформы», который от него откололся. У «Авангарда» было к соцдемам-реформистам отношение, как к убогому братцу. Брезгливо-жалостливое – вроде и свои, родственники, но поддались правому уклону, боятся решительных мер, не хотят крови.

Многие из этих ребят, как Макс знал, были участниками первых мирных митингов против «дяди Ману» (как называли президента его сторонники, реальные и виртуальные), которые сотрясали страну еще с лета, а то и с весны. Еще когда уровень поддержки президента Мануэля Родригеса в баррио – бедных кварталах – оставался зашкаливающим. Именно они,

относительно образованная молодежь, бузила уже тогда, в студенческих кампусах и старших школах, недовольная все новыми циркулярами и запретами.

Но реальное восстание масс этих юнцов быстро разочаровало. Потому что не дало им все свободы и блага на блюде, и потому что «вырвавшееся из стойла быдло» оказалось совсем не таким няшным, как они ожидали. И они стали тихо ворчать, а потом и проклинать революционеров. Но тоже тихо и по углам. Однако после объявления Мировым советом всех граждан восставших секторов скопом государственными преступниками, они – раз не сбежали из страны – поняли, что оказались в одной лодке с менее обеспеченными согражданами. Ведь их дома тоже оказались под прицелом.

В таких прибрежных городах, как Канкун, люди ощущали это особенно остро. Они не понимали, что для плавучей ракетной батареи нет разницы – и любая точка Южной и Центральной Америки вместе с Мексикой – под прицелом крылатых ракет, не говоря уже о боевых спутниках, от которых не спрячешься.

А значит, даже середняки (богатые-то сбежали почти все) волей-неволей вынуждены будут участвовать в обороне завоеваний «передового отряда трудового класса человечества», как называл себя в своих программах «Авангард». Хотя, конечно, и к чиновникам из «Авангарда», особенно перешедшим в него недавно и просидевшим острую фазу войны в кабинетах, а не в партизанских лагерях, у Макса были вопросы. Но поднимать их, как он думал, пока не время.

Кризис неплатежей, локауты и массовые увольнения выгнали людей на улицы, а блокировка корпорациями счетов неблагонадежным многим прочистила мозги. И теперь молодежь, выросшая в сети, на пищевом и культурном суррогате, была вынуждена столкнуться с реальной жизнью таким грубым способом.

Правда, Макс опасался, что для многих из них это просто еще одна интерактивная игра в V-реальности. Молодцы, конечно, но их стойкость под огнем не нужно переоценивать. Ни гибели друзей, ни обстрелов своих районов они еще не видели.

«Знают ли они, что смерть здесь – на самом деле? А если знают, то вдруг им это даже в кайф, по приколу?».

Но это до первого погибшего товарища, до первой собственной раны.

Максим смотрел на этих парней и девушек, которые, перешучиваясь, читали брошюру «El Libertad», и думал, сколько минут они продержатся даже против обычной кадровой полиции. Не против «riot cops» с дубинками, щитами и шокерами, а против антитеррористического спецназа с рельсовыми пушками. Не говоря уже о профессиональных убийцах из десантных подразделений Корпуса мира, каким он сам был недавно.

«Совсем зеленые юнцы, – подумал Рихтер. – Общаться привыкли с помощью эмотиков, как древние египтяне. По улицам родного города ходят как слепые котята, когда надо выйти в другой район. Привыкли, что всегда можно открыть карту перед глазами и прочертить нужный маршрут. Хорошо хоть пеший автопилот не прижился и лет пять назад его убрали, после того, как люди начали попадать под машины, бредя, как сомнамбулы. Но ничего, переучатся!», – подумал он, вспомнив, как занимался с молодняком стрелковой подготовкой в недавно открытом на ипподроме полевым лагере.

Учил их стрелять и из рейлганов (иногда их звали «рейганы»), и из старых «Калашей». Из всего, что стреляло. Передавал то, чему его научили о тактике боя в Академии Корпуса мира и на дополнительных командных курсах. А Гаврила, которого тоже на время прикомандировали сюда, учил оказывать первую помощь раненым, не имея высокотехнологичной аптечки. Русский тоже считал, что никакой виртуал не заменит реальные тренировки. Еще один товарищ из Южной Америки, родом из предгорий Анд, натаскивал сопляков, как ориентироваться на местности, и выживать, если не в джунглях и горах, так хотя бы в осажденном городе.

Вооружение у этих юнцов, когда они станут бойцами *la Milicia*, будет только легкое. Здесь они с интербригадами находились в одном положении. Ходили слухи, что два батальона, сформированные НарВластью, имеют боевые экзоскелеты. Но Макс их еще не видел и не мог судить, насколько снаряжение устарело морально и физически. Новые экзоскелеты и старые – это две большие разницы.

Еще был танковый полк и отдельный артиллерийский дивизион, но они воевали где-то рядом со столицей. Интересно, чем и кем их укомплектовали? Ведь это оружие не использовалось лет двадцать.

Торговка, между тем, все еще стояла рядом. Вдруг она что-то тихо пробормотала себе под нос. Не сразу, но «транслятор» справился с ее местными идиомами и индейскими существительными и выдал Максиму прямо в ухо:

«Зачем много думать о будущем, если старшим виднее? Зачем менять власть, если любая власть – от Бога?».

– Но если власть все-таки сменилась, то, наверное, Богу это угодно, – обратился к женщине Макс на чистом испанском, дружелюбно улыбаясь.

Она вздрогнула. Похоже, не ожидала, что он ее слышит. Видимо, у нее не было никакой аугментации слуха... как у большинства. Судя по ее реакции, она с таким усовершенствованием раньше не сталкивалась, не было в ее окружении подобных людей. Она могла происходить из тех религиозных и этнических групп, которые объявили любое вмешательство в человеческое тело «святотатством». Поэтому она, кстати, ничего не лишилась, когда отказала сеть.

– Наверно, сеньор, – пожалала плечами индианка. – Мы не ведаем Его планов. А сегодня... сегодня у людей новые боги. Скоро они потребуют себе новые жертвы. И хлеба с вином будет для них недостаточно.

Сказав это, она заторопилась на старый чадающий автобус (их тут называли «метробус»), который подъехал к остановке. Видимо, торговля была закончена. Либо она жила далеко и боялась не успеть к наступлению комендантского часа. А может, испугалась, что он донесет на нее. Хотя за что? За пораженчество? Рихтер никогда так бы не сделал и сам бы прибил того, кто занимается кляузничеством.

Максим вдруг вспомнил, что уже видел эту женщину в первый день, когда только ступил на мексиканскую землю. Еще на первом, подпольном этапе революции. Тогда он прошел мимо нее, и одновременно рядом пронеслась стайка молодежи. Насколько же чужими они должны были ей казаться! С их жизнью, которая почти вся прошла в вирках. С вольным отношением к любым связям, в том числе интимным. А ведь она еще не такая уж и дряхлая (эйджистское слово, которое в цивилизованном мире нельзя было употреблять). Просто они из разных миров. Она прожила всю жизнь в неизменной традиции, а они каждый день следовали новым веяниям.

В биологической памяти Рихтера ее слова, сказанные тогда, уже стерлись, но на чипе все сохранилось. Он перемотал, просто от нечего делать.

«Глупцы. Зачем носить модную одежду, если нужна удобная и по погоде? – услышал он ее голос из прошлого. – Зачем слушать дурацкую музыку на непонятном языке, если есть народная? Зачем ездить за границу, если в родной деревне так хорошо?».

Рихтеру захотелось спросить, нравился ли ей старый режим. Но он знал, что это испугало бы ее. А если бы она была честной, наверняка ответила бы: «Нет, сеньор. Конечно, нет. Но и новый не лучше». Он не знал, читала ли она Шекспира и смогла ли ответить ему фразой «Чума на оба ваших дома». Но настроение ее почувствовал.

Торговка со своими сумками протиснулась в полупустой салон, загнав туда же осла. Никто не протестовал. Даже у анархии есть свои плюсы.

«Интересно, выкинут ее вместе с ним, если на следующих остановках людей наберется, как семечек в огурце?».

Автобус тронулся с места. Весь электротранспорт не работал, и на улицы пришлось вывезти тех допотопных мастодонтов, которые еще были на ходу.

«Метробус» исчез, затерялся в поредевшем потоке транспорта, который почти весь шел без автопилота, вручную управляемый нервными и осторожными водителями.

Но слова и взгляд этой женщины заставили Макса задуматься.

«Те, кто против наших врагов, не обязательно на нашей стороне. Иногда они – просто попутчики. И когда автобус революции придет к нужной им остановке, они легко могут с него соскочить», – говорила София.

Комендантский час вступал в силу в десять вечера, и улицы вымирали.

Несколько раз их отделение привлекали к ловле нарушителей. Чаще всего это были обычные воры, грабители и наркоторговцы, путаны или спекулянты.

Иногда доходило до демонстрации оружия, но стрелять обычно не приходилось.

Пару раз попадались подозрительные личности, на которых были ориентировки, что это шпионы или диверсанты. Они потом сдавали их в ЧК и получали поощрение. Его напарники каждый раз после этого ходили, выпятив грудь колесом и улыбаясь до ушей. А Максим всегда мрачнел и опасался, что хватанут не того.

Из других штатов приходили сообщения, что наркодельцы и бандиты истреблялись там Народной милицией сотнями. Подозрительные скопления вооруженных мужчин, которые не принадлежали ни к какому из ополчений, расстреливались с дронов (мелкие летательные аппараты бесполетную зону в центре страны нарушали легко, потому что корпам их тут было нечем сбивать, да и не так страшно потерять дрон, как самолет или вертолет с людьми). Бронированные джипы мафии подрывались минами, гранатометами или дырявились тяжелыми снайперскими винтовками, а их содержимое превращалось в фарш.

Рихтер подумал о том, что продажные либеральные власти уже столетие не могли справиться с этой поганью. И даже армия плохо помогала, потому что покупалась на корню. Разборки наркокартелей уносили столько же жизней, сколько тридцатилетние гражданские войны в Сирии и Афганистане.

А НарВласть, или Правительство Народного Согласия, временно разместившееся в Гвадалахаре, сразу взялось за эту чуму, закатав рукава. Могилы копали экскаваторами, кровь с асфальта смывали брандспойтами – или вовсе сначала не смывали, оставляли на сутки как напоминание. И гады затаились. Уже никто не мог с гордостью заявить, что он принадлежит к такой-то группировке, рискуя быть расстрелянным или отправиться на «обязательные работы». Начали даже сводить с себя татуировки, которые еще недавно носили с гордостью, как гербы родовитых испанских грандов.

Хотя, если быть совсем честным, то взялась за это не вся НарВласть, а несколько командиров в некоторых муниципалитетах. Они же собирали конфискованные у мафиози предметы роскоши – те, которые бесполезны для простых людей, – и просто давили бульдозерами или прессом. В одном городе местные бойцы герильи сожгли, облив бензином, два десятка коллекционных автомобилей: «бентли», «астон-мартины», «роллс-ройсы», а также спорт-кары от «Ламборгини» и «Феррари». Полезный конфискат раздавали с грузовиков в трущобных кварталах. Наркотики сжигали мешками в крематориях и котельных вместе с трупами тех, кто их распространял. А иногда – и тех, кто покупал. Причем не всегда последние были трупами. Ходили легенды, что от этого дыма можно было словить сатанинский кайф и превратиться в вудуистского зомби, но Максим, который еще в Корпусе участвовал в ликвидациих наркоплантаций, знал, что это просто байки.

Попадал ли кто-то случайно под горячую руку? Возможно. Сначала все сетевые паблики и форумы были забиты жалобами на зверства *chequistas* и слезливыми рассказами о «бедных убитых мальчиках». Когда сеть закрыли, это переместилось в область слухов, граффити и наклеенных на стены плакатов. Может, и жаль этих людей. Но иначе, увы, не бывает, думал

Максим. Нельзя очистить Авгиевы конюшни, не испачкавшись в дерьме, тем более Геракла со сверхчеловеческой силой у них не было.

Рихтер посмотрел на облака. Было пасмурно, и к вечеру вполне мог пойти дождь. Может, и не лучшая погода для пляжа, но выбирать не приходилось. Температура была обычная для этого времени года, вот только дул довольно прохладный ветерок.

Пока даже погода против гордой молодой республики. Максим подозревал, что май-янка, хозяйка осла, близка к истине. Уж очень этот климатический *fin del mundo* случился «вовремя». Раз движущая сила Революции – обездоленные, то как еще заставить их сдаться и вернуться в стойло?

Сначала их лишили постоянной работы через автоматизацию – без этого никакого восстания и не случилось бы. Потом начали отбирать и временные заработки через локаут и разорение малого бизнеса. Но вместо того, чтобы притихнуть, люди взорвались гневом. Теперь логично с точки зрения кровососов было бы лишить их, многие из которых зависят теперь от маленьких огородиков, последнего источника пропитания. И тогда победа в широкой мексиканской шляпе.

«Нет. Что им жалкие клочки земли у мелких фермеров? Они хотят заставить плантаторов – то есть владельцев и акционеров агрохолдингов, которые сейчас изображают из себя „национальную буржуазию“ и носят красные ленты на своих костюмах *haute couture*, – десять раз подумать, поддерживать ли восстание».

Впрочем, Рихтер вообще не был уверен, что можно так ювелирно воздействовать на погоду. Это могли быть естественные колебания температуры, похожие на Малый ледниковый период.

Он бы отдал старушке солнечную панель и бесплатно – но уж очень аппетитно выглядели лепешки, которые правильнее было бы назвать «тортильи».

«Отдельные фермеры проявляют несознательность и не хотят кормить народную армию», – вспомнил Максим подзаголовок статьи в агитационном листке. Его выпускали на бумаге, чуть ли не на музейном оборудовании, на старых ротационных печатных машинах. И это был не единственный архаизм, к которому пришлось прибегнуть.

Д-реальность в городе не работала уже неделю, но у милиции и НарВласти была собственная локальная, которую, впрочем, использовали редко и только для важных дел – например, целеуказания, логистики и отдачи приказов.

Впрочем, прямо сейчас в локалке кто-то ругал социал-демократов «реформистов»: «Продались буржуям. Они не наши, они почти фашисты, не хотят передела собственности...». Макс видел, что не только коалиционное правительство Народной Власти было шатким. На улицах тоже единства не было и в помине.

После того как умер туристический сектор, весь лишившийся занятий, народ вынуждено слонялся по городу. Не было ни работы, ни досуга. Молодежи было тяжелее всего. Приходилось даже учиться общаться заново. Нельзя было отправить не только *short messages*, но даже обычные мэйлы. Нельзя было даже покататься на моноколесах и других подобных штуках, поскольку на время Особого Периода все устройства для ускорения движения в черте города запретили.

Поэтому многие бродили как лунатики. То застывали, то заговаривали с незнакомыми людьми. Это те, кто поинтеллигентнее. А многие детки из маргинальных семей слонялись по улицам с другими целями. Высматривая, что разломать или что прикарманить.

Уже озвучивались планы привлечь их на общественные работы – например, убирать не вывозившийся неделю мусор. И на подготовку городов к обороне. Было учреждено что-то вроде трудовой армии. Но пока объявлять массовую мобилизацию боялись. Добровольцев было предостаточно. Максима иногда раздражало некоторое раздолбайство местных. Хотя он подозревал, что, случись подобное где-нибудь в Молдавии, – раздолбайства было бы столько

же. А в своей Германии он просто не мог представить подобную революцию. При всем его уважении к соотечественникам.

Со дня на день ждали ракетного удара или авианалета, но Мировой совет все медлил. И это вызывало у людей ложные надежды.

Сержант и военспец Максим Рихтер, командир отделения сводного отряда «Панчо Вилья» Второй интернациональной бригады имени Эрнесто Гевары, не верил, что обойдется без крови. Он сам служил той власти и знал, что, получив приказ, ее псы не задумаются ни секунды. Такие же бездушные и управляемые, как дроны.

К лепешкам он взял по карточкам бутылку соуса сальса и несколько банок фасоли. Текилу брать не стал. Хватит с мужиков и пивка, которое они уже наверняка набрали за наличные.

Деньги – и глобо, и старые песо, и даже крипты – были в ходу. Хотя международную валюту и собирались запретить, но пока руки не дошли. Цены на черном рынке уже взлетели до небес, а «черным» стала едва ли не половина от всего. Но параллельно с товарно-денежными отношениями выросла временная система обеспечения, которую Максим про себя называл «социалистической». Вслух это слово почему-то редко произносилось. Система работала с пробуксовкой, но все же кое-что нуждающимся людям доставалось.

А еще в эти дни зацвел пышным цветом бартер. На стихийных рынках и просто на улицах меняли всё на всё, но больше прочего ценилось горючее, батареи и инструменты. И еда, но не вся, а та, которая не портится. Консервы, например. Старые бумажные деньги еще ходили, и деньги с чипов – тоже. Но последним многие не доверяли. И было из-за чего. Взлом и жульничество случались сплошь и рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.